# ОБЪЕКТИВНАЯ ПСИХОЛОГІЯ.

Акад. **В. БЕХТЕРЕВА**,

Профессора Императорской Военно-Медицинской Академіи,
Директора Клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней.

ВЫПУСКЪ I.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія П. П. Сойкина, Стремянная, № 12.
1907.

В

Пров 38"

716
32

# Обоснованіе объективной психологіи.

В. Бехтерева.

## ВВЕДЕНІЕ.

Психологія, которой мы займемся въ нижеслѣдующемъ изложеніи, мало будетъ похожа на ту психологію, которая до сихъ поръ служила предметомъ изученія. Дѣло въ томъ, что въ объективной психологіи, которой мы намѣрены посвятить настоящій трудъ, не должно быть мѣста вопросамъ о субъективныхъ процессахъ или процессахъ сознанія. До сихъ поръ, какъ извѣстно, къ психологическимъ явленіямъ относили прежде всего тѣ явленія, которыя сознательны, „Опредѣлить психологію всего лучше можно словами профессора Годла, какъ науку, занимающуюся описаніемъ и распознаваніемъ состояній сознанія, какъ таковыхъ", такъ начинаетъ свою Text book of psychology проф. James: „Подъ состояніями сознанія,—говоритъ онъ,—здѣсь разумѣютъ такія явленія, какъ ощущенія, желанія, эмоціи, познавательные процессы, сужденія, рѣшенія, хотѣнія и т. п. Въ составъ истолкованія этихъ явленій должно конечно входить изученіе какъ тѣхъ причинъ и условій, при которыхъ они возникаютъ, такъ и изученіе дѣйствій, непосредственно ими вызываемыхъ, поскольку тѣ и другія могутъ быть констатированы".

Такимъ образомъ предметомъ изученія психологіи такой, какой она была и есть до сихъ поръ, является такъ называемый внутренній міръ, а такъ какъ этотъ внутренній міръ доступенъ только самонаблюденію, то очевидно, что основнымъ методомъ современной намъ психологіи можетъ и должно быть только самонаблюденіе. Правда, нѣкоторые авторы вводятъ въ психологію понятіе о безсознательныхъ процессахъ, но и эти безсознательные процессы уподобляются ими въ той или другой мѣрѣ сознательнымъ про-

цессамъ, причемъ имъ приписываютъ обыкновенно свойства сознательныхъ процессовъ, признавая ихъ иногда какъ бы скрытыми сознательными явленіями. Вообще весь вопросъ о безсознательныхъ психическихъ процессахъ въ современной психологіи остается спорнымъ. Обзоръ многочисленныхъ работъ по этому вопросу мы находимъ въ работѣ д-ра Cesca [1]); кромѣ того можно найти разборъ того же вопроса у Lewis'a [2]), у Mill'a [3]), у Hamilton'a [4]) и у многихъ другихъ авторовъ и намъ нѣтъ надобности здѣсь подробно останавливаться на этомъ предметѣ. Мы замѣтимъ лишь, что наряду съ авторами, признающими существованіе безсознательныхъ психическихъ процессовъ имѣется цѣлый рядъ, психологовъ, которые совершенно исключаютъ безсознательное изъ сферы психическаго. По Ziehen'у [5]) напр. критеріемъ психическаго является: „все, что дано нашему сознанію и только одно это". „Психическое и сознательное пока для насъ совершенно тождественны; мы даже не можемъ вообразить себѣ, что такое безсознательное ощущеніе, представленіе и т. п. Мы знаемъ ощущенія и представленія только постольку, поскольку ихъ сознаемъ". Такъ называемые безсознательные процессы по автору суть ничто иное, какъ протекшіе матеріальные процессы, которые лишь затѣмъ возбуждаютъ актъ психическій или сознательный. Какъ понятіе же, безсознательный психическій процессъ является пустымъ.

Кромѣ Ziehen'а подобной же точки зрѣнія держатся и нѣкоторые другіе авторы. По Нечаеву [6]), напримѣръ, „безсознательной душевной жизни въ буквальномъ смыслѣ слова нельзя допустить. Если иногда и говорятъ о безсознательной душевной жизни, то это выраженіе или вовсе не имѣетъ *никакого смысла* или по крайней мѣрѣ оказывается выраженіемъ *недостаточно* точнымъ".

Такимъ образомъ, самонаблюденіе признается основнымъ источникомъ психологіи и сама психологія является наукой о фактахъ сознанія, какъ таковыхъ.

Однако опытъ показываетъ, что самонаблюденіе недостаточно

---

[1]) G. Cesca. Ueber die Existenz von unbewussten psychischen Zuständen. Viertel Jahrschr. f. wiss. Philosophie, 1885. Bd. IX.

[2]) Lewis. Problems of life and mind. 1879.

[3]) I. Mill. Analysis of the phenomena of the human mind. 1878.

[4]) Hamilton. Lectures on Metaphysic and Logic, 1882.

[5]) Всѣ цитаты изъ Ziehen'а сдѣланы по русскому переводу его сочиненія по физіологической психологіи

[6]) Нечаевъ. Очеркъ психологіи для воспитателей и учителей. СПБ. 1904 г.

даже для изученія собственной психической жизни. Какъ примѣръ того, какъ ошибочно руководиться процессами субъективными даже въ такихъ явленіяхъ, какъ память и воспоминаніе, показываютъ изслѣдованія H. Ebbinghaus'a [1]), который, производя опыты надъ механическимъ заучиваніемъ, убѣдился, что психическія состоянія, когда-либо существовавшія и затѣмъ ускользнувшія изъ сознанія, вмѣстѣ съ тѣмъ фактически не перестали существовать, что можно доказать совершенно точно опытнымъ путемъ.

Съ другой стороны очевидно, что для субъективной психологіи совершенно закрыта область изслѣдованія сознательныхъ процессовъ у другихъ, такъ какъ для изученія послѣдней у нея нѣтъ даже подходящаго метода. И дѣйствительно, у одного изъ цитированныхъ выше авторовъ мы читаемъ по этому поводу слѣдующее: „Если мы говоримъ о чужой душевной жизни, если даже задались цѣлью изучить ее, то это возможно только при одномъ условіи, мы должны предполагать, что внѣ насъ находятся другія существа, обладающія такою же способностью непосредственнаго знанія, какъ и мы, и при всѣхъ разсужденіяхъ о душевной жизни этихъ существъ мы невольно должны ставить себя на ихъ мѣсто и потомъ живо представлять себѣ, что стали бы мы чувствовать въ ихъ положеніи. Отсюда ясно, что хорошимъ психологомъ можетъ быть только тотъ, кто умѣетъ хорошо наблюдать надъ самимъ собою [2]) и, очевидно, кто умѣетъ хорошо воображать, прибавимъ мы отъ себя.

Дѣло въ томъ, что съ вышеуказанной точки зрѣнія изученіе психики другихъ не можетъ происходить иначе, какъ путемъ воображаемаго подставленія нашихъ собственныхъ субъективныхъ переживаній на мѣсто предполагаемыхъ подобныхъ же переживаній у другихъ лицъ.

Въ этомъ случаѣ дѣло идетъ, очевидно, объ аналогіи, какъ о методѣ научнаго изслѣдованія. Но непригодность этого метода для изученія психологіи болѣе, чѣмъ очевидна, о чемъ я подробно говорю въ своей работѣ: „Объективная психологія и ея предметъ“ [3]). Мало того, аналогія здѣсь касается явленій двухъ различныхъ самосознаній, которыя во многихъ отношеніяхъ несравнимы и познаются лишь путемъ внутренняго самонаблюденія лишеннаго точныхъ мѣръ.

---

[1]) H. Ebbinghaus. Uber das Gedächtniss 1885.

[2]) А. Нечаевъ. l. c., стр. 22.

[3]) См. В. Бехтеревъ. Вѣстникъ психологіи, 1904 г., стр. 655—658.

Совершенно правъ Ch. Richet, говоря, что „внутреннее самонаблюденіе, какъ бы могущественно оно ни было, можетъ быть приложимо только къ одной области—самопознанію. Внѣ ея оно безплодно и опасно". „*Я* знаетъ себя, изучаетъ, оно себя разсматриваетъ, наблюдаетъ, посему нельзя выходить за предѣлы области этого *я*, столь обширной, что въ ней еще безконечно многое предстоитъ сдѣлать и столь узкой въ то-же время, что неудовлетворенная любознательность наша жадно стремится все дальше". Но дальше можетъ идти только наука съ ея строгими методами, съ ея точными аппаратами и измѣреніями, съ ея медленнымъ, остроумнымъ, но вѣрнымъ развитіемъ. Словомъ, внутреннее наблюденіе можетъ разсчитывать только на познаніе явленій сознанія. Общія свойства живой матеріи — косной и мыслящей— останутся навсегда неизвѣданными; они принадлежатъ физикѣ, химіи и физіологіи". И тѣмъ не менѣе Ch. Richet[1]) впадаетъ въ ту-же ошибку, полагая, что въ области общей психологіи, имѣющей въ виду синтезъ психическихъ явленій, начиная отъ простыхъ рефлексовъ до сложныхъ явленій разума, возможно пользоваться то самонаблюденіемъ, то наблюденіемъ другихъ живыхъ существъ, то опытомъ. Понятно, что нельзя даже и говорить о мыслящей живой матеріи, если руководиться исключительно объективными данными.

Не менѣе ошибочнымъ должно быть признано мнѣніе психологовъ-субъективистовъ, къ каковымъ долженъ быть отнесенъ, какъ мы видѣли, пользующійся большою извѣстностью тотъ-же James. „Увѣряютъ что психологія должна излагаться, какъ естественная наука. При этомъ очевидно совершенно упускается изъ виду тотъ фактъ, что всѣ естественныя науки объективны и что основнымъ методомъ всѣхъ естественныхъ наукъ является объективное наблюденіе и опытъ".

Съ нашей точки зрѣнія совершенно ошибочно распространенное опредѣленіе психологіи, какъ науки только о фактахъ или явленіяхъ сознанія. На самомъ дѣлѣ психологія не должна ограничиваться изученіемъ явленій сознанія, но должна изучать и безсознательныя психическія явленія и вмѣстѣ съ тѣмъ она должна изучать также внѣшнія проявленія въ дѣятельности организма, поскольку они являются выраженіемъ его психической жизни. Наконецъ она должна изучать также и біологическія основы психической дѣятельности.

---

[1]) Ch. Richet. Опытъ общей психологіи, Р.-п., стр. 8—9.

Наши движенія, будутъ ли они съ точки зрѣнія субъективной психологіи волевыми, непроизвольными, выражающими или инстинктивными, развѣ не должны входить въ предметъ психологіи. А измѣненія дыханія, сердцебіенія, происходящія подъ вліяніемъ психическихъ процессовъ развѣ не составляютъ предмета психологіи, особенно если мы примемъ во вниманіе, что знакомство съ ними уясняетъ намъ соотношеніе между психическими явленіями и нашими тѣлесными процессами. Цѣлый рядъ изслѣдованій о вліяніи психическихъ процессовъ на состояніе внутреннихъ органовъ, на тѣлесныя процессы вообще, а также вліяніе умственной дѣятельности на отправленіе внутреннихъ органовъ не можетъ не входить въ задачи психологіи уже потому, что знакомство съ этими фактами даетъ намъ ключъ къ пониманію психическихъ явленій какъ таковыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ позволяетъ уяснить намъ основныя условія внѣшняго проявленія психическихъ процессовъ. Эти же условія лежатъ и въ основѣ нашего познанія о процессахъ, происходящихъ въ другихъ намъ подобныхъ существахъ.

Такимъ образомъ, что же такое психологія?

Психологія съ нашей точки зрѣнія есть наука о психической жизни вообще, а не о сознательныхъ только ея проявленіяхъ. Поэтому въ задачи психологіи должно входить изученіе психическихъ процессовъ въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, т. е. какъ сознательныхъ, такъ и безсознательныхъ проявленій психической дѣятельности и изученіе внѣшнихъ проявленій психической дѣятельности, поскольку они служатъ для опредѣленія особенностей и характера психической дѣятельности; а также изученіе біологическихъ процессовъ, стоящихъ въ ближайшемъ соотношеніи съ психическими процессами. При этомъ конечно слѣдуетъ имѣть въ виду, что дѣло идетъ не объ изученіи только идивидуальной психической жизни, но и психической жизни отдѣльныхъ группъ лицъ (напр., толпы, общества, народовъ и пр.), а также психической жизни животнаго міра Отсюда дѣленіе психологіи на индивидуальную, общественную національную, сравнительную психологію народовъ и такъ наз. зоопсихологію.

Такъ какъ при изученіи психической жизни мы встрѣчаемся не только съ развитыми организмами, но и съ развивающимися, то естественно, что изъ психологіи выдѣляется также психологія дѣтская, какъ наука, изучающая законы и послѣдовательность психическаго развитія отдѣльныхъ индивидовъ. Далѣе къ задачамъ психологіи относится не только изученіе послѣдовательнаго развитія психической сферы, но и изученіе способовъ и пріемовъ,

содѣйствующихъ достиженію правильнаго воспитанія и умственнаго развитія, вслѣдствіе чего естественно выдѣляется, какъ особый предметъ, преслѣдующій свои спеціальныя задачи, педагогическая психологія. Кромѣ того тотъ обширный отдѣлъ психологіи, который изучаетъ соотношеніе между субъективными переживаніями и физическими измѣненіями, происходящими въ организмѣ вообще и въ частности въ мозгу, долженъ быть названъ физіологической психологіей, которая имѣетъ въ виду установить и выяснить взаимоотношеніе психическихъ и физіологическихъ процессовъ. Благодаря этому психофизіологія предполагаетъ знаніе какъ описательной, такъ и объяснительной психологіи [1]).

О задачахъ общей психологіи или, точнѣе говоря, біопсихологіи, мы считаемъ пока преждевременнымъ распространяться, а потому и не будемъ останавливаться на этомъ предметѣ.

Такъ какъ предметомъ изученія психической жизни служатъ не только лица нормальныя, но и душевно-больныя, т. е. лица ненормальныя, то изъ психологіи естественно выдѣляется патологическая психологія, вѣдающая изученіе ненормальныхъ проявленій психической сферы, поскольку они освѣщаютъ задачи психологіи нормальныхъ лицъ.

Такъ какъ отклоненіе въ дѣйствіяхъ человѣка отъ извѣстныхъ условныхъ положеній общественной жизни можетъ быть изучаемо также съ психологической точки зрѣнія, то очевидно, что мы можемъ разсматривать психологію преступнаго человѣка и т. наз. криминальную антропологію такъ же, какъ одинъ изъ отдѣловъ психологіи, понимаемой въ обширномъ смыслѣ слова.

Помимо вышеуказанныхъ дисциплинъ можно было-бы намѣтить еще историческую психологію, какъ науку, которая устанавливала бы законы историческаго развитія науки о человѣческой психикѣ и этимъ самымъ для настоящаго времени исчерпывались-бы всѣ существенные отдѣлы психологіи.

А гдѣ же экспериментальная психологія, спроситъ насъ читатель? О ней до сихъ поръ не было упомянуто нами намѣренно, такъ какъ названіемъ экспериментальной психологіи отмѣчается въ сущности собраніе тѣхъ психологическихъ знаній, которыя изслѣдуются путемъ эксперимента. Здѣсь, слѣдовательно, нѣтъ спеціальнаго предмета изслѣдованія, а имѣется лишь особый методъ

---

[1]) См. Липпсъ. Пути психологіи. Докладъ на 3-мъ международномъ психическомъ конгресѣ въ Римѣ 26—30 апрѣля 1905. Вѣстн. Психологіи, реф. д-ръ Крогіусъ вып. II. годъ III. 1906.

и поскольку этотъ методъ не распространился еще на всѣ отдѣлы психологіи, постольку такъ называемая экспериментальная психологія можетъ удерживать свое названіе, которое повидимому скоро сдѣлается трюизмомъ. Это названіе во всякомъ случаѣ столь же излишнее въ психологіи, какъ названіе наблюдательной или эмпирической психологіи, которымъ прежде часто пользовались и которое нынѣ почти вывелось изъ употребленія.

Если исключить попытки нѣсколькихъ современныхъ зоопсихологовъ ввести въ кругъ своего изслѣдованія чисто объективный методъ изслѣдованія, то необходимо признать, что во всемъ обширномъ отдѣлѣ знаній, который относится къ психологіи человѣка, понимаемой въ обширномъ смыслѣ слова, самонаблюденіе является господствующимъ и почти единственнымъ методомъ изслѣдованія. Иначе говоря, психологія, которой до сихъ поръ занимались, основывалась почти исключительно на самонаблюденіи и потому должна быть названа *субъективной* психологіей. Она есть въ настоящемъ смыслѣ слова психологія индивидуальнаго сознанія, какъ ее понимали и понимаютъ всѣ.

Задачей ея является точное описаніе и объясненіе явленій сознанія, вслѣдствіе чего субъективная психологія можетъ быть раздѣлена на описательную и объяснительную психологіи. Въ основу же своихъ положеній и та, и другая психологія кладетъ самонаблюденіе и самоанализъ. Благодаря этому субъективизмъ проникаетъ всю современную психологію отъ начала до конца, не исключая и экспериментальнаго ея отдѣла. Всѣ опредѣленія психологическихъ данныхъ основывались на самонаблюденіи. Поэтому психологи разсматриваютъ разнообразныя явленія сознанія, какъ ощущенія, представленія, понятія, процессы памяти, ассоціаціи, самосознаніе или «я» и т. п. При этомъ процессы перцепціи въ периферическихъ органахъ и внѣшнія проявленія психики, какъ движенія, дѣйствія отправленія желѣзъ и пр. уже не относятся психологами къ собственно психическимъ процессамъ, вслѣдствіе чего послѣдніе оказываются безъ начала и конца. Даже вполнѣ объективныя проявленія психики различались между собою по субъективнымъ признакамъ, которые доступны лишь самонаблюденію и самоанализу.

По Ziehen'у напр. «поступками называются только движенія, измѣненныя сохраненными памятью представленіями или движенія съ психической подкладкой».

Съ другой стороны разницу между поступкомъ и автоматическимъ движеніемъ Ziehen видитъ въ томъ, что для перваго,

характерно измѣненіе движенія подъ вліяніемъ вновь возникающихъ образовъ воспоминанія. „Автоматическія движенія безсознательны, поступокъ же признается сознательнымъ, а иногда также произвольнымъ». Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ говоритъ, что его «отличіе отъ автоматическаго акта состоитъ въ томъ, что у поступка кромѣ измѣняющихъ движеніе ощущеній еще возникаютъ и измѣняющіе поступокъ образы воспоминанія».

Нужно однако имѣть ввиду, что психическая дѣятельность, гдѣ бы она не проявлялась, не можетъ быть оцѣниваема только съ точки зрѣнія тѣхъ или другихъ субъективныхъ переживаній. Будучи возбуждаема къ своей дѣятельности внѣшними импульсами она является факторомъ, закономѣрнымъ образомъ возбуждающимъ дѣятельность органовъ тѣла, измѣняющихъ внѣшнюю среду, вслѣдствіе чего ея проявленія во внѣшнемъ мірѣ вполнѣ доступны объективному изслѣдованію.

Это положеніе въ основѣ своей имѣетъ тотъ фактъ, что психическія явленія вездѣ и всюду находятся въ тѣснѣйшемъ соотношеніи съ матеріальными процессами, происходящими въ опредѣленныхъ частяхъ мозга. Нынѣ психо-физіологія и патологія человѣка установили, какъ непреложную истину, что удаленіе опредѣленныхъ частей головного мозга приводитъ къ уничтоженію извѣстныхъ центростремительныхъ возбужденій, что разрушеніе другихъ ослабляетъ или устраняетъ, или такъ или иначе измѣняетъ высшія психическія отправленія, поскольку они касаются отношенія даннаго животнаго или человѣка къ окружающему міру.

Доказано также, что психическія отправленія стоятъ въ связи съ состояніемъ мозгового кровеобращенія и составомъ крови, питающей нервныя клѣтки. Достаточно сжать сонныя артеріи, чтобы внѣшнія проявленія психической дѣятельности временно исчезли. Извѣстно также, что различныя отравленія, а равно и патологическія измѣненія состава крови при общихъ болѣзненныхъ процессахъ измѣняютъ кореннымъ образомъ и психическія отправленія.

Съ другой стороны мы знаемъ, что всѣ психическія явленія протекаютъ во времени, требуя для своего проявленія того или другого періода.

Ясно, что психическіе процессы протекаютъ въ средѣ, обусловливающей извѣстное сопротивленіе, а это само по себѣ доказываетъ, что всѣ психическіе процессы суть не только субъективныя переживанія, но одновременно и матеріальные процессы.

Иначе говоря, нѣтъ ни одного психическаго процесса, который бы являлся только субъективнымъ или духовнымъ въ философскомъ значеніи этого слова и не сопутствовался бы опредѣленными матеріальными процессами. Этотъ фактъ объясняетъ намъ также, почему всякая умственная работа сопровождается опредѣленнымъ рядомъ измѣненій въ организмѣ, обусловленныхъ дѣятельнымъ состояніемъ мозга и приводитъ къ утомленію.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы признаемъ не точнымъ выраженіе, когда говорятъ о параллельномъ теченіи субъективнаго и объективнаго во время психической работы.

„Мы должны твердо держаться той точки зрѣнія, что дѣло идетъ въ этомъ случаѣ не о двухъ параллельно протекающихъ процессахъ, а объ одномъ и томъ же процессѣ, который выражается одновременно матеріальными или объективными измѣненіями мозга и субъективными проявленіями; мы не должны упускать изъ виду, что тѣ и другія служатъ выраженіемъ одного и того же нервно-психическаго процесса, обусловленнаго дѣятельностью энергіи центровъ. Поэтому во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и въ устраненіе издавна установившагося противоположенія духовнаго матеріальному мы вправѣ и должны говорить нынѣ не о душевныхъ или психическихъ процессахъ въ настоящемъ смыслѣ слова, а о процессахъ нервно-психическихъ и вездѣ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ психикой, нужно имѣть въ виду собственно нервно-психическіе процессы, иначе — невро-психику, а у простѣйшихъ, лишенныхъ нервной системы, біо-психику“ [1]).

Такимъ образомъ и въ послѣдующемъ изложеніи, если мы будемъ пользоваться словомъ, „психическій“, мы будемъ придавать этому понятію не обычный смыслъ и не будемъ понимать подъ нимъ только субъективное, но всегда и тѣ объективные или матеріальные процессы въ мозгу, которыми всегда и вездѣ сопутствуютъ психическіе процессы, иначе говорятъ невро-психику.

Не подлежитъ сомнѣнію, что проявленія невро-психики доступны и объективному наблюденію и контролю, поскольку дѣло касается соотношенія внѣшнихъ воздѣйствій съ внѣшними же проявленіями психической дѣятельности [2]). Этотъ родъ знанія мы и выдѣляемъ подъ именемъ объективныхъ проявленій невро-пси-

---

[1]) В. Бехтеревъ. Объективная психологія и ея предметъ. Вѣстникъ психологіи. 1904 г.

[2]) См. В. Бехтеревъ. Объективная психологія и ея предметъ. Вѣстникъ психологіи 1904 г. Revue scientifique 1906 г.

хики, научную же дисциплину, которая имѣетъ своимъ предметомъ изученіе соотношенія внѣшнихъ воздѣйствій съ внѣшними же проявленіями невро-психики мы называемъ *объективной* психологіей.

Объективная психологія въ нашемъ смыслѣ совершенно оставляетъ въ сторонѣ явленія сознанія. Она имѣетъ въ виду изучить и объяснить лишь отношенія живого существа къ окружающимъ условіямъ, на него такъ или иначе воздѣйствующимъ, не задаваясь цѣлью выяснять тѣ внутреннія или субъективныя переживанія, которыя извѣстны подъ названіемъ сознательныхъ явленій и которыя доступны лишь самонаблюденію. Поэтому объективная психологія, о которой мы говоримъ, исключаетъ совершенно методъ самонаблюденія изъ наблюденія и эксперимента, причемъ всѣ психическія отправленія должны подвергаться лишь объективной регистраціи и контролю. Она должна оставаться безусловно объективною наукою во всѣхъ своихъ частяхъ.

Можно было бы думать, что экспериментъ, введенный въ психологію нѣсколько десятковъ лѣтъ уже и дѣлаетъ психологію объективною наукою, въ дѣйствительности однако же это не такъ, и въ этомъ случаѣ мы сошлемся на авторитетъ Richet, у котораго мы читаемъ: „Очень часто приписываютъ защитникамъ экспериментальной психологіи мнѣніе, которое легко можно опровергнуть. Говорятъ, что они признаютъ только внѣшній опытъ и отрицаютъ значеніе внутренняго опыта, самонаблюденія. Между тѣмъ ни одинъ физіологистъ и не думаетъ обходиться безъ субъективнаго наблюденія элементовъ нашего познанія. Какимъ образомъ изслѣдуетъ онъ явленія памяти, воображенія, если не обратится за наблюденіями ихъ къ своему собственному *Я*?

Какой физіологъ или натуралистъ утверждалъ противное и для чего опровергать это мнѣніе, когда никто его не защищаетъ? Самонаблюденіе составляетъ сущность наблюдательной психологіи, настолько же плодотворной и законной, какъ самая экспериментальнѣйшая психологія, какую только можно себѣ вообразить!

Явленія, познаваемыя подобнымъ изученіемъ своего *Я*, имѣютъ такую же важность, какъ и явленія, добытыя въ физіологическихъ лабораторіяхъ посредствомъ самыхъ усовершенствованныхъ пріемовъ современной техники“ [1]).

Очевидно, что экспериментъ также можетъ служить и цѣлямъ субъективной психологіи, какъ и цѣлямъ объективной

[1]) Ch. Richet. Опытъ общей психологіи. Р. п. стр. 8.

психологіи, смотря по тому, что желаютъ получить отъ эксперимента.

Если желаютъ съ помощью эксперимента выяснить тѣ или другія явленія сознанія, напр., послѣдовательность субъективныхъ явленій, ихъ качественную сторону и пр., опираясь на самонаблюденіе, какъ это обычно и дѣлаютъ въ современныхъ психологическихъ лабораторіяхъ, то экспериментъ служитъ для цѣлей субъективной психологіи. Яркимъ примѣромъ экспериментальныхъ работъ, служащихъ для цѣлей субъективной психологіи, могутъ служить напр. тѣ, которыя путемъ измѣненія окружающихъ условій, вызываютъ измѣненіе сознательной сферы, контролируемое путемъ самонаблюденія, чѣмъ обогащаютъ наши знанія о внутреннемъ мірѣ. Нѣкоторые авторы даже отъ всѣхъ экспериментальныхъ изслѣдованій требуютъ объясненія фактовъ сознанія.

Они требуютъ, чтобы экспериментъ обязательно сопровождался самымъ широкимъ освѣщеніемъ съ точки зрѣнія самонаблюденія. Эти авторы имѣютъ конечно ввиду задачи субъективной психологіи, которой, какъ мы упомянули, экспериментъ также оказываетъ существенную помощь въ разрѣшеніи многихъ задачъ.

Бинэ и Анри [1]) по поводу психологическаго эксперимента говорятъ:

„Не слѣдуетъ ограничивать и упрощать отвѣты испытуемаго напротивъ надо предоставить ему полную свободу обнаруживать то, что чувствуетъ и даже настоятельно побуждать его внимательно наблюдать за собою во все время эксперимента. Этотъ способъ имѣетъ то преимущество, что не ограничиваетъ изслѣдованіе кругомъ одной предвзятой идеи: при немъ нерѣдко можно констатировать новые непредвидѣнные факты, которые часто даютъ возможность понять механизмъ извѣстнаго состоянія сознанія“.

Равнымъ образомъ и Münsterberg, говоря о необходимости полнаго освѣщенія эксперимента и получаемыхъ при немъ цифръ, говоритъ: „субъектъ долженъ облечь этотъ скелетъ плотью и кровью самаго точнаго воспоминанія пережитыхъ сознательныхъ процессовъ“.

Мы ничуть не возражаемъ противъ подобныхъ тенденцій, если хотятъ освѣтить путемъ эксперимента факты сознанія, служащіе предметомъ изслѣдованія субъективной психологіи. Но для цѣлей объективной психологіи, какъ мы ее понимаемъ, не только нѣтъ необходимости въ субъективномъ анализѣ, но послѣдній вовсе не входитъ въ ея задачи и представляется излишнимъ.

[1]) Бинэ, В. Анри, Филиппъ. Введеніе въ экспериментальную психологію. 1903 г., стр. 14.

При всемъ томъ экспериментъ можетъ и долженъ служить важнѣйшимъ орудіемъ объективной психологіи, если его обставить такимъ образомъ, чтобы по возможности всѣ внѣшнія проявленія психики были точно и полно регистрируемы въ соотношеніи съ данными внѣшними воздѣйствіями.

Признавая матеріальную сторону какъ въ сознательныхъ, такъ и безсознательныхъ процессахъ, объективная психологія, о которой здѣсь идетъ рѣчь, разсматриваетъ психическіе процессы лишь въ ихъ объективныхъ проявленіяхъ, не входя вовсе въ разсмотрѣніе субъективной стороны психическаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она не можетъ игнорировать и происходящіе при этомъ тѣ процессы въ мозгу, которые въ немъ предполагаются и которые въ извѣстной мѣрѣ доступны объективному изслѣдованію съ помощью тонкихъ физическихъ приборовъ.

Для объективной психологіи нѣтъ вопроса о сознаніи или безсознательномъ. Она оставляетъ этотъ вопросъ въ сторонѣ, предоставляя его всецѣло вѣдѣнію субъективной психологіи. Объективная психологія ставитъ себѣ цѣлью выяснить лишь объективныя проявленія психики и тѣ соотношенія, которыя, благодаря внутренней переработкѣ, устанавливаются въ различныхъ случаяхъ между внѣшними воздѣйствіями и тѣми внѣшними проявленіями, которыя за ними слѣдуютъ и которыя обусловлены дѣятельностью высшихъ центровъ мозга. Основаніемъ для такого устраненія вопроса о сознательныхъ или безсознательныхъ процессахъ психики въ томъ кругѣ знаній, который мы называемъ объективной психологіей, является то обстоятельство, что для сознательности процессовъ нѣтъ никакихъ объективныхъ признаковъ. Мы не можемъ, руководясь исключительно объективной стороной дѣла, рѣшить вопросъ, протекъ ли данный процессъ въ сферѣ сознанія или нѣтъ. По крайней мѣрѣ всѣ попытки въ этомъ отношеніи лишены строгаго научнаго значенія и не идутъ дальше однихъ мало обоснованныхъ предположеній.

Такъ Auerbach, какъ извѣстно, нашелъ, что лягушка съ удаленнымъ большимъ мозгомъ, при раздраженіи кислотой ея спины, производитъ соотвѣтственно положенію раздражаемаго мѣст положенію членовъ, то или другое движеніе своей лапкой для удаленія раздраженія. Спрашиваесся, можемъ ли мы сказать, что дѣло идетъ здѣсь о сознательномъ или безсознательномъ процессѣ?

Вопросъ этотъ до сихъ поръ не выходитъ изъ сферы предположеній. Правда, Ziehen говоритъ объ этомъ опытѣ, что „нѣтъ

основанія заключать о существованіи параллельныхъ психическихъ процессовъ для высшихъ и болѣе сложныхъ рефлексовъ". Но на чемъ же это предположеніе основано? Вѣдь въ душу обезглавленной лягушки мы проникнуть не можемъ а если будемъ руководиться самонаблюденіемъ по отношенію къ сложнымъ рефлексамъ, вызываемымъ на себѣ самомъ, то окажется, что сложнымъ рефлексамъ мы также не вправѣ отказать въ нѣкоторой сознательности или по крайней мѣрѣ исключать ее не имѣемъ права.

Даже для болѣе сложныхъ рефлекторныхъ движеній у лягушки, лишенной мозговыхъ полушарій вплоть до зрительныхъ бугровъ, которая, какъ извѣстно, при своихъ прыжкахъ избѣгаетъ препятствій, дающихъ сильную тѣнь, Ziehen отрицаетъ параллельное развитіе психическихъ resp. сознательныхъ процессовъ. Объ основаніяхъ къ такимъ заключеніямъ говорить излишне. Ихъ нѣтъ, если не считать такими приводимую авторомъ аналогію этихъ движеній съ автоматическими движеніями піаниста, разыгрывающаго ноты, или человѣка, машинально сходящаго съ лѣстницы. При этомъ однако упускается изъ виду, что и піанистъ, и чѣловѣкъ, сходящій съ лѣстницы, могутъ продѣлывать тѣ же самыя движенія не только автоматически, но и вполнѣ сознательно, относясь къ нимъ съ вниманіемъ, и при всемъ томъ мы не въ состояніи отличить этихъ сознательныхъ движеній отъ такого же рода движеній машинальныхъ или автоматическихъ, иначе безсознательныхъ.

Равнымъ образомъ и инстинктамъ Ziehen отказываетъ въ сознательности, относя ихъ подобно рефлексамъ и автоматическимъ свиженіямъ къ области физіологіи, а не къ физіологической психологіи. При свиваніи гнѣзда, въ этомъ сложномъ актѣ дѣло идетъ по автору о рефлекторныхъ раздраженіяхъ, идущихъ изъ половыхъ органовъ, причемъ здѣсь приводится въ дѣйствіе наслѣдственно пріобрѣтенный механизмъ безъ участія какихъ либо представленій. Эти инстинкты правда утрачиваютъ уже характеръ рефлексовъ и относятся къ автоматическимъ движеніямъ, такъ какъ кромѣ первоначальнаго раздраженія, исходящаго изъ половыхъ органовъ, имѣется много новыхъ повторяющихся раздраженій (видъ соломинки, клочка шерсти, уносимыхъ птицей въ гнѣздо), которыя соотвѣтственнымъ образомъ измѣняютъ и направляютъ движеніе подобно тому, какъ у прыгающей лягушки зрительное впечатлѣніе измѣняетъ направленіе прыжка.

Доказательства отсутствія сознательности въ этихъ сложныхъ актахъ, представляющихъ много разнообразія и измѣнчивости,

вслѣдствіе чего эти автоматическіе акты приближаются по признанію самого автора „къ сознательнымъ или произвольнымъ поступкамъ“, заключаются въ томъ же піанистѣ, который машинально играетъ на клавишахъ. Не говоря объ условности этого примѣра съ піанистомъ, который, какъ мы уже говорили, можетъ играть безсознательно и сознательно, ясно, что дѣло идетъ здѣсь объ аналогіи, а не о научномъ доказательствѣ.

Врядъ ли вообще нужно доказывать, что съ объективной стороны мы не имѣемъ точныхъ критеріевъ сознательности,—тѣмъ болѣе что и въ болѣе простыхъ рефлексахъ имѣется приспособленіе къ извѣстной цѣли и способность побѣждать препятствія, т. е. регулировать соотвѣтственно даннымъ обстоятельствамъ отвѣтныя движенія (Goltz). Нужно при этомъ имѣть въ виду, что элементъ сознательнаго въ процессы, называемое психическими, ничего не вноситъ такого, что могло бы намъ объяснить сущность самихъ процессовъ или обособить ихъ отъ безсознательныхъ или машинальныхъ Положеніе это признается даже лицами, которыя безъ присутствія сознанія не признаютъ ничего психическаго и которые психику отождествляютъ съ сознаніемъ, что мы считаемъ совершенно неправильнымъ.

По Ziehen'у, хотя „самонаблюденіе показываетъ, что поступокъ всегда сопровождается психическимъ процессомъ, но эта связь вовсе не необходима. Сами по себѣ даже самые сложные поступки могутъ быть легко поняты, какъ механическіе или матеріальные. Въ противность общепринятому мнѣнію, будто всѣ сложные поступки человѣческой жизни станутъ понятнѣе, если признавать ихъ психическими, оказывается. что всякій поступокъ даже самый цѣлесообразный и самый сложный былъ бы понятнѣе, какъ матеріальная функція мозга. Чудо или непонятное заключается скорѣе въ томъ, что нѣкоторые мозговые процессы, а именно процессы въ корѣ головного мозга, сопровождаются параллельными психическими процессами, т. е. чѣмъ то совершенно своеобразнымъ и доступнымъ только самонаблюденію“ [1]).

Въ другомъ мѣстѣ своего всѣмъ извѣстнаго сочиненія [2]) тотъ же авторъ говоритъ:

„Необходимо однако принять во вниманіе, что матеріальный процессъ, обусловливающій поступокъ, существуетъ самъ по себѣ

---

[1]) Ziehen. Физіологическая психологія стр. 17—18.

[2]) Loc. cit. стр. 188.

БИБЛИОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

и былъ бы совершенно понятенъ, если бы происходилъ безъ всякаго вмѣшательства со стороны параллельнаго психическаго процесса, т. е. безъ ощущеній и представленій. Наоборотъ непонятное заключается именно въ томъ, что къ поступку въ противуположность рефлексу и автоматическому движенію присоединяется нѣчто новое—параллельный психическіе процессъ, т. е. сочетаніе ощущеній и представленій".

„Цѣлесообразность поступковъ по автору во всякомъ случаѣ обусловливается уже матеріальными законами, такъ что параллельные психическіе процессы совершенно излишни и безполезны при ея объясненіи. Напротивъ того, какъ уже упомянуто, появленіе параллельнаго психическаго процесса именно и нуждается въ объясненіи".

Мы не смотримъ такимъ образомъ на предметъ и ничуть не думаемъ субъективное считать излишнимъ. По крайней мѣрѣ нѣтъ основанія признавать, что въ проявленіяхъ психической сферы, дѣло обошлось бы безъ присутствія субъективнаго такъ-же, какъ и съ субъективнымъ. Мы не можемъ вообще согласиться съ мнѣніемъ, что сознаніе является простымъ эпифеноменомъ матеріальныхъ процессовъ. Въ природѣ ничего нѣтъ лишняго и субъективный міръ не есть только ненужная величина или безплодное качество въ общей нервно-психической работѣ.

Мы неоднократно уже высказывались въ своихъ сочиненіяхъ о томъ значеніи, которое получаютъ субъективные знаки въ нашей психической жизни [1]) и здѣсь не лишне еще разъ остановиться на этомъ предметѣ.

Мы знаемъ, что характеръ или качество субъективныхъ состояній, появляющихся въ насъ при внѣшнихъ раздраженіяхъ и открываемыхъ нами путемъ самонаблюденія, находится въ прямой связи съ частотой колебаній и съ родомъ вліянія раздражающаго агента. Такъ число колебаній эфира опредѣляетъ субъективное качество свѣтового луча, а число колебаній воздушной среды опредѣляетъ субъективное качество слухового ощущенія, т. е. высоту тона. Характеръ кожныхъ раздраженій также несомнѣнно зависитъ отъ силы и рода механическихъ толчковъ, которымъ подвергаются кожныя окончанія нервовъ.

Изслѣдованія Sternberg'a [2]) показали также, что всѣ сладкія и горькія вещества находятся по своему химическому составу въ

---

[1]) См. Психика и жизнь. СПБ. 1904 г.

[2]) Sternberg. Zeitschr. fur Psych. u. Phys. d. Sinnesorg. Bd. XX.

близкомъ родствѣ между собою, но первыя имѣютъ гармонію въ своемъ химическомъ составѣ; нарушеніе же гармоніи въ молекулахъ обусловливаетъ горькій вкусъ, а большее увеличеніе дисгармоніи приводитъ къ безвкусію. Ясно, слѣдовательно, что характеръ вкусовыхъ ощущеній стоитъ въ зависимости отъ рода воздѣйствія на вкусовые сосочки опредѣленныхъ химическихъ веществъ, сами же вкусовыя ощущенія служатъ выраженіемъ молекулярныхъ измѣненій, производимыхъ раздраженіями въ самихъ сосочкахъ. Тоже самое очевидно слѣдуетъ признать иотносительно обонятельныхъ ощущеній.

Наконецъ имѣется основаніе полагать, что общія ощущенія удовольствія и неудовольствія стоятъ также въ прямомъ соотношеніи съ измѣненіемъ молекулярныхъ процессовъ въ тканяхъ, причемъ вліянія, приводящія къ нѣкоторому повышенію обмѣна веществъ, сопровождаются пріятнымъ самочувствіемъ, тогда какъ вліянія, приводящія къ пониженію и задержкѣ обмѣна веществъ, сопровождаются непріятнымъ самочувствіемъ. Очевидно и здѣсь дѣло идетъ о молекулярныхъ колебаніяхъ, вызываемыхъ раздраженіями, причемъ эти колебанія распространяются на значительныя области тѣла.

Такимъ образомъ наши ощущенія представляютъ собою субъективные символы, опредѣляющіе извѣстные градаціи опредѣленныхъ количественныхъ измѣненій внѣшнихъ раздраженій, причемъ и интенсивность послѣднихъ опредѣленныхъ образомъ выражается въ ощущеніи его силой. Дѣло обстоитъ такимъ образомъ, что внѣшнія количественныя разницы въ раздраженіяхъ какъ бы перелагаются на опредѣленные субъективные символы подобно тому, какъ опредѣленныя количественныя измѣненія вещества перелагаются нами въ опредѣленныя ариѳметическія знаки. Такъ какъ при этомъ эффекты качественнаго различія въ нашихъ ощущеніяхъ представляются необычайно рѣзкими, то ими сравнительно легко опредѣляются количественныя разницы во вліяніяхъ на организмъ внѣшнихъ раздраженій.

Дальнѣйшее облегченіе для нервно-психической дѣятельности мы имѣемъ въ словесныхъ символахъ, которые даютъ возможность обобщать основные субъективные знаки, данные въ ощущеніяхъ, подъ одинъ общій знакъ—слово, который, имѣя субъективную и объективную стороны, является своего рода алгебраическимъ знакомъ, облегчающимъ работу съ основными „ариѳметическими“ знаками, данными въ ощущеніяхъ.

Такъ какъ мы должны признать, что субъективное въ нашей

невро-психикѣ совершенно неотдѣлимо отъ матеріальныхъ процессовъ, происходящихъ въ мозгу, а представляетъ вмѣстѣ съ ними какъ бы двѣ стороны одного и того-же процесса, то очевидно, что соотношенія, установленныя между субъективными символами равносильны соотношеніямъ между соотвѣтствующими имъ матеріальными процессами въ мозгу, а потому естественно, что, благодаря субъективнымъ символамъ, которые мы имѣемъ въ ощущеніяхъ и представленіяхъ, а затѣмъ и въ словахъ, нервно-психическая дѣятельность мозга получаетъ такое же облегченіе, какъ работа съ количественными отношеніями облегчается съ помощью математическихъ знаковъ.

Эти субъективные символы въ формѣ ощущеній и представленій такимъ образомъ являются тѣми внутренними знаками, которые даютъ возможность устанавливать соотношенія между разнообразными внѣшними раздраженіями и организмомъ въ зависимости отъ того, будутъ ли эти раздраженія по своему вліянію на организмъ близкими между собою или же они будутъ представляться различными другъ отъ друга. Такимъ образомъ устанавливаются соотношенія между разнообразными вліяніями внѣшнихъ объектовъ природы на организмъ по одному субъективному символу, данному въ ощущеніи, напр. по цвѣту, вкусу, запаху пріятности или непріятности. Вмѣстѣ съ тѣмъ и комбинаціи между внѣшними раздраженіями при субъективныхъ знакахъ становятся возможными не по ихъ внѣшнимъ особенностямъ, а по тѣмъ ихъ качествамъ, которыя имѣютъ опредѣленное значеніе для организма, вызывая въ послѣднемъ извѣстное измѣненіе.

Предыдущее, въ которомъ вопросъ о значеніи субъективнаго далеко еще не исчерпанъ, съ достаточной ясностью показываетъ, что субъективные символы, открываемые въ насъ самихъ при опредѣленныхъ внѣшнихъ воздѣйствіяхъ, ничуть не могутъ быть разсматриваемы, какъ совершенно излишніе спутники объективныхъ измѣненій нервной ткани мозга. Напротивъ того они имѣютъ существенное значеніе по отношенію къ самымъ основнымъ проявленіямъ нервно-психической сферы и ея развитію. Но при всемъ томъ нужно имѣть въ виду, что качественныя различія въ субъективныхъ знакахъ стоятъ въ тѣсномъ единеніи съ объективными измѣненіями въ нашихъ центрахъ, иначе говоря, они соотвѣтствуютъ количественнымъ различіямъ въ объективныхъ или матеріальныхъ процессахъ, происходящихъ въ мозгу, а потому въ дѣлѣ изученія внѣшнихъ проявленій невро-психики, вышеуказанные субъективные знаки мы можемъ замѣнить со-

отвѣтствующими имъ объективными измѣненіями нервной ткани, обозначая ихъ опредѣленными названіями.

Не нужно забывать, что, какое бы значеніе не имѣли субъективные символы или явленія нашей нервно-психической сферы, они могутъ быть изслѣдованы съ доступною намъ точностью только на себѣ самомъ путемъ самонаблюденія, объективно же они, какъ мы уже ранѣе говорили, не имѣютъ своего критерія и недоступны для изслѣдованія. Поэтому, когда мы хотимъ произвести изслѣдованіе невро-психики другихъ, мы должны совершенно оставить методъ самонаблюденія и изслѣдовать лишь объективныя проявленія невро-психики, какъ единственно доступныя нашему наблюденію явленія.

Объективная психологія человѣка, не нуждаясь въ самонаблюденіи, имѣетъ въ виду лишь одни объективные факты и данныя, которые являются результатомъ его нервно-психической дѣятельности. Сюда относятся психически обусловленныя движенія и секреторные акты, рѣчь, мимика, жесты, дѣянія и поступки, а въ болѣе широкомъ смыслѣ, что составляетъ собственно предметъ объективной психологіи народовъ, языкъ, нравы, обычаи и бытъ отдѣльныхъ племенъ, ихъ законы и общественное устройство, ихъ индустрія и наука, ихъ философія и религія, ихъ поэзія и изящныя искусства, словомъ все, чѣмъ характеризуется внѣшнимъ образомъ нервно-психическая дѣятельность отдѣльныхъ и цѣлыхъ народовъ; но всѣ эти факты изучаются здѣсь не съ субъективной точки зрѣнія и не сами по себѣ, а въ соотношеніи съ тѣми вліяніями, которыя послужили для нихъ первоначальнымъ поводомъ и внѣшними условіями.

Изъ вышеизложеннаго слѣдуетъ, что, если мы будемъ изучать нервно-психическіе процессы съ ихъ объективной стороны, какъ процессы матеріальные, то мы не утрачиваемъ ничего изъ схемы самого процесса. Въ наиболѣе простомъ видѣ напр. нервно-психическій процессъ можетъ быть представленъ въ видѣ схемы подобной рефлексу, гдѣ возбужденіе, достигая мозговой коры, оживляетъ здѣсь, благодаря имѣющимся ассоціаціоннымъ связямъ, слѣды прежнихъ возбужденій, которые б. частью и являются въ концѣ концовъ главными опредѣлителями внѣшнихъ движеній, обусловленныхъ нервно-психическими импульсами [1]).

[1]) Какъ извѣстно, нервно-психическіе процессы съ точки зрѣнія рефлексовъ были разсматриваемы еще И. Сѣченовымъ въ его сочиненіи: „Рефлексы головного мозга“.

Спрашивается, что къ этой простой схемѣ прибавится, если мы на мѣсто вышеуказанныхъ чисто физіологическихъ терминовъ будемъ пользоваться ходячими терминами субъективной психологіи и скажемъ, что внѣшнее раздраженіе, возбуждая ощущеніе и оживляя въ корѣ полушарій воспоминательные образы, приводитъ, благодаря послѣднимъ, къ извѣстному поступку или дѣйствію.

Нѣтъ надобности пояснять, что схема нервно-психическаго процесса отъ этого „языка субъективной психологіи“ нисколько не выигрываетъ, а скорѣе еще затемняется тѣмъ, что мы пользуемся терминами, значеніе которыхъ весьма и весьма условно.

Пусть внѣшнія проявленія невро-психики будутъ результатомъ субъективно-объективныхъ процессовъ, происходящихъ въ ткани мозговой коры, но мы лишены возможности въ другихъ существахъ раскрывать субъективную сторону и потому для познанія этихъ процессовъ, приводящихъ къ опредѣленнымъ внѣшнимъ проявленіямъ, достаточно изучать эти послѣднія въ связи съ тѣми внѣшними вліяніями, которыя послужили для нихъ первоначальнымъ толчкомъ, причемъ могутъ быть поставлены на мѣсто предполагаемыхъ субъективныхъ явленій тѣ объективные процессы, которые имъ должны сопутствовать. Поэтому, не пытаясь воспроизводить путемъ аналогіи съ самимъ собою тѣ субъективныя переживанія, которыя происходятъ въ теченіе нервно-психическихъ процессовъ, объективная психологія довольствуется лишь признаніемъ опредѣленныхъ отпечатковъ и слѣдовъ протекшихъ возбужденій въ нервной ткани головного мозга, оставляемыхъ внѣшними раздраженіями, и затѣмъ дальнѣйшихъ комбинацій и взаимныхъ соотношеній между этими отпечатками и слѣдами.

Равнымъ образомъ и при обсужденіи дальнѣйшей переработки этихъ слѣдовъ внѣшнихъ раздраженій объективная психологія опять таки не входитъ въ субъективный характеръ тѣхъ процессовъ, которыми сопровождается эта переработка. Она опредѣляетъ эти процессы исключительно по ихъ внѣшнимъ проявленіямъ въ связи съ внѣшними воздѣйствіями, оцѣнивая ихъ такимъ образомъ исключительно съ объективной стороны.

По внѣшнимъ проявленіямъ невро-психики мы должны заключать не о характерѣ субъективныхъ процессовъ, а о томъ направленіи, которое приняло возбужденіе въ центрахъ, первично развившееся подъ вліяніемъ внѣшняго раздраженія на периферіи

и распространившееся къ центрамъ, а также о тѣхъ соотношеніяхъ и переработкѣ, которой это возбужденіе въ нихъ подверглось, до соотвѣтствующаго разрѣшенія всего процесса на периферіи же въ видѣ той или иной внѣшней реакціи.

На пути выясненія этихъ вопросовъ приходится намѣчать и тѣ главные пункты, чрезъ которые проходитъ процессъ, начинающійся раздраженіемъ на периферіи и кончающійся мышечнымъ движеніемъ или секреторнымъ актомъ. Но въ этомъ выясненіи хода и направленія объективной стороны нервно-психическаго процесса нѣтъ и тѣни обсужденія субъективныхъ переживаній, а дѣло идетъ о выясненіи хода и направленія нервно-психическаго процесса, какъ явленія, имѣющаго опредѣленную физическую resp. физіологическую сторону.

Такимъ образомъ объективная психологія, имѣющая цѣлью установить отношеніе объективныхъ проявленій невро-психики живого существа къ тѣмъ или другимъ внѣшнимъ раздраженіямъ, не обращается къ посредству предполагаемыхъ субъективныхъ переживаній. Для объективной психологіи всякій организмъ не въ однихъ только своихъ основныхъ жизненныхъ процессахъ, изучаемыхъ физіологіей, но и во всѣхъ своихъ внѣшнихъ отношеніяхъ къ окружающему міру, въ основѣ которыхъ лежатъ нервно-психическіе процессы, есть объектъ, который подлежитъ строгому научному обслѣдованію, какъ и всякій другой объектъ внѣшняго міра.

Естественно, что объективная психологія не ограничиваетъ свою задачу исключительно человѣкомъ, но имѣетъ въ виду и всѣ другія живыя существа, обнаруживающія нервно-психическую дѣятельность. При такомъ расширеніи предмета психологическаго изслѣдованія само собою разумѣется, что долженъ быть установленъ объективный критерій, для того, что слѣдуетъ понимать подъ названіемъ психическихъ resp. нервно-психическихъ процессовъ.

Въ субъективной психологіи критеріемъ психическаго, какъ мы видѣли, является сознаніе, причемъ всѣ сознательные процессы признаются eo ipso психическими, всѣ безсознательные процессы относятся къ не-психическимъ или физіологическимъ процессамъ. Хотя этотъ критерій крайне обманчивъ и во всякомъ случаѣ не можетъ быть признанъ точнымъ, какъ я показалъ въ одной изъ своихъ работъ [1]), тѣмъ не менѣе это—крите-

[1]) В. Бехтеревъ. Объективная психологія и ея предметъ. Вѣстникъ психологіи 1904 г.

рій, которымъ обычно руководятся, не выходя изъ рамокъ субъективной психологіи.

Очевидно, что и въ объективной психологіи долженъ быть установленъ извѣстный критерій для опредѣленія нервно-психическихъ процессовъ и для отличія ихъ отъ процессовъ не—психическихъ resp. чисто нервныхъ Въ этомъ отношеніи мы можетъ ограничить понятіе невро-психики съ объективной стороны такими отношеніями организма къ окружающему міру, которыя предполагаютъ переработку внѣшняго воздѣйствія на основаніи прошлаго индивидуальнаго опыта. Всюду, гдѣ прошлый опытъ даетъ себя знать, мы имѣемъ уже не простой рефлексъ, а психо-рефлексъ или невро-психику въ настоящемъ смыслѣ слова. Это опредѣленіе строго ограничиваетъ собственно нервно-психическіе процессы отъ простыхъ рефлексовъ, которые предполагаютъ не бывшій ранѣе индивидуальный опытъ, а упрочившееся путемъ долговременнаго повторенія и передачи по наслѣдству автоматическое проведеніе импульсовъ въ опредѣленномъ направленіи.

Въ вышеуказанномъ опредѣленіи такимъ образомъ ясно отграничивается область нервно-психическаго процесса отъ простого рефлекса, который, хотя также основанъ на прошломъ опытѣ, но на опытѣ наслѣдственномъ, а не индивидуальномъ. Имѣются конечно и такія проявленія дѣятельности организма, которыя должны быть признаны переходными и которыя частью основаны на наслѣдственномъ, частью на индивидуальномъ опытѣ. Такія проявленія, какъ переходныя между рефлексами и невропсихикой, должны быть названы психо-рефлексами или сочетательными рефлексами и входятъ также въ предметъ разсмотрѣнія объективной психологіи, какъ и другія родственныя имъ проявленія, которыя могутъ быть названы психо-органическими или психо-автоматическими resp. сочетательно-органическими и сочетательно-автоматическими движеніями.

Само собою разумѣется, что нѣтъ никакого основанія связывать опредѣленіе нервно-психическаго процесса съ вопросомъ о присутствіи или отсутствіи у того или другого вида животныхъ нервной системы. Тамъ, гдѣ мы имѣемъ нервную систему, мы имѣемъ всѣ основанія заключать, что вышеуказанная переработка внѣшнихъ воздѣйствій на основаніи прошлаго опыта, происходитъ при посредствѣ нервной системы, но тамъ, гдѣ не существуетъ нервной системы, имѣемъ ли мы основаніе обособлять явленія, подходящія подъ вышеуказанный принципъ отъ такихъ же явленій, наблюдаемыхъ нами у животныхъ, обладаю-

щихъ нервной системой и называемыхъ психическими или нервно-психическими? Конечно нѣтъ. Вотъ почему мы думаемъ, что вопросъ о нервной системѣ заслуживаетъ вниманія лишь съ точки зрѣнія мѣста и локализаціи нервно-психическихъ процессовъ, но вмѣстѣ съ этимъ не исключается возможность существованія нервно-психическихъ явленій и тамъ, гдѣ не имѣется нервной ткани или она еще не открыта современными способами изслѣдованія и гдѣ составныя части нервной системы болѣе развитыхъ организмовъ входятъ въ составъ первичной протоплазмы, нерасчлененной на отдѣльные органы и ткани.

Такъ какъ различіе между чистымъ рефлексомъ и нервно-психическимъ процессомъ съ объективной стороны заключается лишь въ томъ, что первый основанъ на наслѣдственномъ, а второй на индивидуальномъ опытѣ, то очевидно нѣтъ достаточныхъ основаній не включать въ область объективной психологіи и разсмотрѣніе рефлексовъ по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія филогенетическаго ихъ развитія. Это оправдывается еще и тѣмъ, что рефлексы, представляя собою по сравненію съ нервно-психическими актами болѣе простой актъ отношенія организма къ внѣшнему міру, основанный на внутренней переработкѣ внѣшняго воздѣйствія въ направленіи наслѣдственнаго опыта, обнаруживаютъ постоянные переходы къ болѣе сложнымъ процессамъ, которыя относятся уже къ порядку нервно-психическихъ.

Общеизвѣстенъ фактъ, что наиболѣе высшія функціи коры, которыя мы называемъ нервно-психическими, связываются не замѣтными переходами съ болѣе низшими функціями спинного мозга. Физіологически между тѣми и другими не имѣется какой-либо строго установленной разграничительной линіи. Въ свою очередь между функціями спинного мозга и первичныхъ центровъ узловой системы мы также не встрѣчаемъ рѣзкой разграничительной линіи и такимъ образомъ дѣятельность всей нервной системы, начиная отъ низшихъ ея центровъ до высшихъ, есть лишь одно постепенное усложненіе отношеній между внѣшними раздраженіями и отвѣтными на нихъ реакціями. И дѣйствительно, все, что мы скажемъ позднѣе, будетъ доказывать постепенный переходъ отъ болѣе элементарныхъ внѣшнихъ реакцій организма до болѣе сложныхъ актовъ, относимыхъ къ тому порядку явленій, которыя по общему признанію называются психическими и которыя мы считаемъ болѣе правильнымъ называть нервно-психическими.

Въ сказанномъ расширеніи задачъ объективной психологіи

мы видимъ между прочимъ залогъ объединенія ея съ зоопсихологіею, которая не можетъ обойтись безъ объективнаго метода и которая поневолѣ должна включить въ область своего изслѣдованія и тѣ явленія, которыя относятся къ области рефлексовъ и автоматизма.

---

## Задачи объективной психологіи.

Выше мы уже встрѣтились съ тѣмъ положеніемъ, что даже при изслѣдованіи собственной невро-психики мы не можемъ обойтись безъ объективнаго метода: субъективно мы переживаемъ лишь нѣкоторую часть своихъ нервно-психическихъ процессовъ, которые поэтому называются сознательными, многіе другіе нервно-психическіе процессы, которые называются подсознательными или безсознательными, субъективно не переживаются и слѣдовательно непосредственно нами не воспринимаются, а познаются лишь косвеннымъ путемъ при посредствѣ наблюденія за непосредственными результатами этихъ процессовъ и за соотвѣтствующими движеніями, иначе говоря, чисто объективнымъ путемъ; наконецъ, что также особенно важно, мы переживаемъ только субъективную сторону психическихъ явленій и вовсе не сознаемъ ихъ объективной стороны, между тѣмъ въ существованіи этой объективной стороны мы не можемъ болѣе сомнѣваться, руководясь точными физіологическими изслѣдованіями.

Такимъ образомъ наши субъективныя переживанія, по крайней мѣрѣ какъ они представляются въ нашемъ воспоминаніи, и неполны, и недостаточны даже для уясненія нашей собственной нервно-психической дѣятельности, изслѣдуемой путемъ самонаблюденія, вслѣдствіе чего они не могутъ служить точнымъ мѣриломъ даже происходящихъ въ насъ нервно-психическихъ процессовъ. Если же они не служатъ достаточнымъ мѣриломъ собственныхъ нервно-психическихъ процессовъ, то какое значеніе имѣютъ они при опредѣленіи и оцѣнкѣ нервно-психическихъ процессовъ другихъ существъ. Вотъ почему мы полагаемъ, что главный и основной методъ изученія нервно-психическихъ процессовъ другихъ лицъ есть не самонаблюденіе, какъ многіе до сего времени думаютъ, а объективный методъ наблюденія и изслѣдованія. Послѣдній въ сферѣ изученія невро-психики другихъ, а тѣмъ болѣе душевно-больныхъ или животныхъ долженъ быть признанъ единственнымъ руководящимъ методомъ изслѣдованія.

Какъ мы видѣли выше, нервно-психическіе процессы всегда скрываютъ за собою извѣстную объективную или физическую сторону. Эти нервно-психическіе процессы не только въ извѣстныхъ случаяхъ субъективны, но и объективны и притомъ они всегда объективны, тогда какъ субъективны не всегда.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нервно-психическіе процессы сопровождаются субъективными переживаніями, они на самомъ дѣлѣ не субъективные только процессы, но суть процессы субъективно-объективнаго характера, въ которыхъ субъективное представляетъ собою лишь нѣчто соотносительное съ происходящими при этомъ объективными измѣненіями нервной ткани и при томъ это субъективное, какъ мы знаемъ изъ собственнаго опыта, ничуть не представляетъ собою обязательнаго явленія въ процессахъ нервно-психическихъ. Когда мы говоримъ или пишемъ, когда мы производимъ рядъ сложныхъ движеній, мы, какъ извѣстно, сознаемъ далеко не все, что входитъ въ содержаніе этихъ нервно-психическихъ процессовъ; мы сознаемъ въ сущности лишь конечный продуктъ нашей нервно-психической дѣятельности, многое же изъ того, что составляетъ неотъемлемую принадлежность этихъ нервно-психическихъ процессовъ, мы не сознаемъ и, слѣдовательно, субъективно не переживаемъ или, если и переживаемъ, то не оставляемъ ихъ въ своемъ воспоминаніи. Отсюда опять-таки слѣдуетъ что сознаваемое нами или субъективно переживаемое ничуть не выражаетъ собою всей полноты нервно-психическихъ процессовъ, а потому и нельзя, собственно говоря, стоять на точкѣ зрѣнія ученія о строгомъ параллелизмѣ психическихъ переживаній съ физическими процессами, происходящими въ мозгу. Этотъ такъ называемый параллелизмъ мы должны понимать лишь въ очень условномъ смыслѣ: мы можемъ говорить въ сущности лишь объ опредѣленномъ соотношеніи переживаемыхъ субъективныхъ явленій съ объективно происходящими въ мозгу физическими явленіями, признавая тѣ и другія результатомъ одного и того же процесса, который при извѣстныхъ условіяхъ имѣетъ двѣ стороны—субъективную и объективную, при другихъ же условіяхъ лишь одну объективную. Но если это такъ, то очевидно, что нервно-психическіе процессы, изучаемые до сихъ поръ лишь путемъ самонаблюденія на себѣ самомъ, могутъ и должны изучаться объективнымъ методомъ, безъ котораго мы совершенно не можемъ обойтись при изученіи невропсихики другихъ.

Если мы производимъ какое либо движеніе и замѣчаемъ, что другой человѣкъ ему въ точности, подражаетъ не въ правѣ ли мы

заключить, что производимое нами движеніе, дѣйствуя на другого человѣка, приводитъ къ выполненію того же самого движенія на подобіе рефлекса. Иначе говоря, логика вещей приводитъ насъ къ выводу, что другой человѣкъ реагируетъ на производимое нами движеніе такимъ же движеніемъ, возбуждаясь соотвѣтственнымъ зрительнымъ раздраженіемъ. При этомъ самый фактъ подражанія можетъ быть анализированъ съ точки зрѣнія его быстроты и точности повторенія, а также сопутствующихъ внѣшнихъ обстоятельствъ и условій, въ которыхъ находился подражающій человѣкъ и наконецъ въ связи съ прошлыми раздраженіями подобнаго же рода, которымъ онъ ранѣе подвергался. Ограничиваясь только что сказаннымъ, мы остаемся въ предѣлахъ точнаго знанія, не вводя въ разсужденіе никакой неопредѣленности, которая запутывала бы совершенно излишнимъ образомъ основной фактъ. Но если тотъ же самый фактъ мы будемъ обсуждать съ точки зрѣнія субъективныхъ явленій, предполагаемыхъ нами въ другомъ по аналогіи съ самимъ собою, то мы тотчасъ же введемъ неясность, которая лишитъ насъ возможности быть точными при обсужденіи вышеуказаннаго явленія.

Для выясненія дѣла остановимся на минуту на томъ, какъ смотрятъ психологи-субъективисты на поступки вообще. По Ziehen'у (физіологія психологія) „при каждомъ поступкѣ необходимо разсмотрѣть, что именно имѣло преобладающее вліяніе на движеніе, получившееся въ окончательномъ результатѣ: первоначальное ли ощущеніе или содержаніе вступившихъ въ борьбу образовъ воспоминанія или наконецъ чувственные тоны ощущеній и представленій. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть дѣло съ такъ называемымъ инстинктивнымъ, во второмъ съ интеллектуальнымъ поступкомъ, а въ третьихъ съ аффектомъ. Движеніе защиты, совершаемое вслѣдъ за зрительнымъ ощущеніемъ угрожающаго удара, есть инстинктивный поступокъ. Безчисленные поступки, которые мы постоянно производимъ для выполненія нашихъ желаній, будутъ аффективными движеніями. Большинство поступковъ, которымъ предшествовало обсужденіе, должны быть отнесены къ категоріи интеллектуальныхъ".

Нѣтъ надобности говорить, что эти опредѣленія вполнѣ ускользаютъ отъ объективнаго изслѣдованія, представляя въ тоже время много неяснаго и неопредѣленнаго даже съ точки зрѣнія субъективной психологіи. Впрочемъ и самъ авторъ признаетъ, что „установленныя границы не имѣютъ строго опредѣленнаго характера. Въ большинствѣ поступковъ вліяютъ всѣ три фактора.

Такъ при инстиктивныхъ движеніяхъ играетъ немаловажную роль и чувственный тонъ". То же слѣдуетъ имѣть ввиду и относительно произвольныхъ движеній. По заявленію Ziehen'a „произвольное движеніе въ узкомъ смыслѣ слова, т. е., движеніе, при которомъ чувствованіе кажущейся свободы воли выступаетъ всего рѣзче, какъ будто не подходитъ ни подъ одну изъ трехъ категорій. На основаніи разсмотрѣнныхъ уже характерныхъ свойствъ произвольныхъ поступковъ можно заключить, что въ болѣе рѣзко выраженныхъ случаяхъ эти поступки представляютъ собою по преимуществу аффективныя движенія, гдѣ главнымъ факторомъ является положительный чувственный тонъ предшествующаго имъ двигательнаго представленія".

По словамъ Tarde'a [1]): „ничего нѣтъ менѣе научнаго, какъ это абсолютное отдѣленіе, это разъединеніе, установленное между произвольнымъ и непроизвольнымъ, между сознательнымъ и безсознательнымъ. Не переходятъ ли незамѣтнымъ образомъ отъ воли къ привычкѣ почти машинальной и одинъ и тотъ же актъ не измѣняетъ ли вполнѣ свою природу во время этого перехода?"

Съ другой стороны у Ch. Richet [2]) читаемъ: „разумъ, инстинктъ, рефлексъ — три главные предмета изслѣдованія психологіи: между этими тремя фактами психической дѣятельности нѣтъ ни преградъ, ни зіяющей пропасти. Градаціи правильны безъ щелей и трещинъ. И зачѣмъ имъ быть? Видѣли ли мы гдѣлибо въ природѣ эти внезапные и рѣзкіе переходы, которые отрицалъ еще Аристотель? Неподготовленныхъ и внезапно возникающихъ явленій въ природѣ нигдѣ не существуетъ".

Уже изъ этихъ разсужденій ясно, въ какой мѣрѣ мы далеки были бы отъ точности, если бы объективный фактъ вызваннаго зрительнымъ раздраженіемъ подражательнаго внѣшняго движенія со стороны другого человѣка мы стали обсуждать съ точки зрѣнія предполагаемыхъ субъективныхъ переживаній, которыя могутъ и должны быть наблюдаемы и изучаемы лишь на себѣ самомъ. Ясно, что, разсматривая вышеуказанный процессъ подражанія съ субъективной стороны, мы ничуть не выиграли бы въ точности, а напротивъ того запутали бы дѣло и лишили бы себя возможности точно обсуждать самый фактъ, какъ онъ данъ въ объективномъ наблюденіи. Для многихъ сущность т. наз. психическаго анализа заключается

---

[1]) Tarde. Законы подражанія.

[2]) Ш. Рише. Опытъ общей психологіи.

именно въ изученіи внутренняго процесса въ его субъективномъ проявленіи: но въ такомъ случаѣ было бы совершенно произвольно и ненаучно допускать, что другой человѣкъ, произведшій изъ подражанія тоже самое движеніе, какъ и мы, переживаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ то же субъективное состояніе, которое переживаемъ и мы, производя подобный же подражательный актъ. Всякому ясно, что это—чистое предположеніе, основанное лишь на аналогіи, а между тѣмъ наука должна быть точною и не можетъ строить своихъ положеній на аналогіи и предположеніяхъ.

Такимъ образомъ субъективная психологія можетъ имѣть своимъ предметомъ прежде всего изученіе собственной душевной жизни; невро-психика же другихъ, по скольку она выражается во внѣшнихъ проявленіяхъ, можетъ быть изучаема лишь путемъ объективнаго наблюденія и анализа и должна быть предметомъ особой науки, которую мы называемъ *объективной* психологіей. Для послѣдней нѣтъ надобности задаваться вопросомъ какимъ субъективнымъ состояніемъ сопровождается тотъ процессъ, который привелъ къ подражанію или какому-либо иному дѣйствію, и даже вообще сопровождался ли онъ какимъ-либо субъективнымъ состояніемъ; подъ внутреннимъ процессомъ объективная психологія понимаетъ лишь ту переработку, которой при извѣстныхъ условіяхъ подвергается въ центрахъ внѣшній импульсъ, возбуждающій опредѣленное движеніе, причемъ она понимаетъ подъ этой переработкой опредѣленный объективный процессъ въ нервной ткани, существованіе котораго можетъ быть доказано точнымъ образомъ.

Итакъ въ задачи объективной психологіи вовсе не входитъ выяснить характеръ тѣхъ субъективныхъ переживаній, которыми сопутствуются при извѣстныхъ условіяхъ нервно-психическіе процессы. Она признаетъ лишь существованіе объективныхъ процессовъ въ мозгу, обусловливающихъ переработку внѣшнихъ воздѣйствій въ опредѣленный родъ внѣшнихъ же реакцій организма. Отсюда ясно, что объективная психологія ставитъ предметомъ своего изученія всѣ внѣшнія проявленія тѣхъ внутреннихъ процессовъ, которые развиваются подъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій въ нервной системѣ организмовъ и которые находятся въ извѣстномъ соотношеніи съ прошлымъ опытомъ, слѣдовательно, въ опредѣленной сочетательной связи съ бывшими ранѣе раздраженіями. Объективная психологія поэтому должна быть наукой о внѣшнихъ выразительныхъ реакціяхъ въ широкомъ смыслѣ слова, изучающей ихъ въ соотношеніи съ бывшими внѣшними вліяніями какъ не-

посредственно имъ предшествующими, такъ и отдаленными, которыя приводятъ къ проявленію выразительныхъ реакцій.

Въ дѣйствительности вездѣ и всюду можно открыть тотъ первоначальный внѣшній поводъ, который является возбудителемъ данной выразительной реакціи. Гдѣ послѣдняя кажется самостоятельной, т. е. независимой отъ внѣшняго воздѣйствія, тамъ это послѣднее представляется отдаленнымъ и должно быть отыскано въ прошломъ. Такимъ образомъ конечною цѣлью объективной психологіи является изученіе соотношенія организма съ внѣшнимъ міромъ въ связи съ его прошлымъ опытомъ совершенно независимо отъ тѣхъ субъективныхъ переживаній, которыя могутъ предполагаться въ организмѣ при внѣшнихъ воздѣйствіяхъ по аналогіи съ самимъ собой. Для объективной психологіи нѣтъ надобности говорить объ ощущеніяхъ, представленяхъ, понятіяхъ и пр. Она должна говорить только о внѣшнихъ раздраженіяхъ и впечатлѣніяхъ, о слѣдахъ, оставляемыхъ ими въ центрахъ, о сочетаніи ихъ другъ съ другомъ и о тѣхъ или другихъ внѣшнихъ реакціяхъ въ ихъ соотношеніи съ бывшими внѣшними вліяніями, подѣйствовавшими на организмъ какъ непосредственно предъ ихъ проявленіемъ, такъ и въ прошлый періодъ времени.

Имѣя своей прямой цѣлью изучать соотношеніе между внѣшними раздраженіями и объективными проявленіями нервно-психической дѣятельности, объективная психологія должна выбросить изъ своего обихода и всѣ метафизическіе термины, усвоенные субъективной психологіей, какъ воля, разумъ, желаніе, влеченіе, чувство, память и т. п. Для обозначенія всѣхъ вообще явленій, называемыхъ въ субъективной психологіи душевными, мы будемъ пользоваться терминомъ „нервно-психическихъ процессовъ“, совокупность же ихъ будемъ называть „невро-психикой“, имѣя въ виду, что каждый нервно-психическій процессъ сопровождается матеріальными процессами въ мозгу, т. е. процессами нервнаго характера.

При этомъ возникаетъ естественно вопросъ: слѣдуетъ ли удержать для такой науки, которая изучаетъ внѣшнія реакціи организма въ связи съ настоящими и прошлыми раздраженіями, названіе психологіи, хотя бы и объективной. Что это за „психологія безъ души“, скажетъ читатель? Но мы уже условились относительно того, что въ основѣ нервно-психическихъ процессовъ лежатъ матеріальные процессы, отъ нихъ совершенно неотдѣлимые, слѣдовательно, не все въ „душѣ“ оказывается субъективнымъ, но имѣются и объективныя явленія, а слѣдовательно, и

психологія не должна быть исключительно субъективной, а можетъ быть и объективной, если имѣетъ своей задачей изслѣдовать только объективную сторону нервно-психическихъ явленій.

Нѣкоторые изъ біологовъ, имѣющіе объектомъ своего изслѣдованія организмъ животныхъ, претендуютъ на то, чтобы даже слово „психическій“ было вычеркнуто изъ науки; на мѣсто же слова психическій они подставляютъ иные термины, которые мало что выражаютъ. Мы не раздѣляемъ этихъ взглядовъ. Терминъ „психическій“ и „психика“ до такой степени вкоренились въ умы людей, что съ нашей точки зрѣнія было бы безплодно исключать ихъ изъ области объективнаго знанія,—тѣмъ болѣе, что сущность дѣла заключается вовсе не въ названіи, а въ соотвѣтственномъ пониманіи предмета. По всѣмъ вышеуказаннымъ основаніямъ мы полагаемъ, что нѣтъ достаточнаго основанія устранять изъ научнаго обихода терминъ „психическій“ и „психика“, желательно лишь въ видахъ яснаго указанія, что эти явленія сопровождаются чисто матеріальными процессами, замѣнять ихъ въ объективной психологіи терминами „нервно-психическій“ и „невропсихика“. Съ другой стороны желательно удержать названіе „объективной психологіи“ для изученія соотношенія вышеуказанныхъ внѣшнихъ нервно-психическихъ реакцій съ предшествующими раздраженіями для того, чтобы имѣть постоянно ввиду отношеніе новой науки къ прежней „субъективной психологіи“ и чтобы вселить въ умахъ вѣру въ то, что психика или—точнѣе—невро-психика, какъ ее понимаютъ всѣ, можетъ изучаться не однимъ только самонаблюденіемъ и самоанализомъ, но и чисто объективнымъ путемъ.

Врядъ ли нужно говорить, что понимаемыя въ вышеуказанномъ смыслѣ задачи объективной психологіи далеко не совпадаютъ съ задачами субъективной психологіи. Въ то время какъ послѣдняя изучаетъ субъективныя проявленія невро-психики и взаимную связь между ними, не относя къ сферѣ своего изслѣдованія ни предшествующее раздраженіе, ни даже движеніе и др. процессы, являющіеся прямымъ выраженіемъ невро-психики, объективная психологія, какъ мы ее понимаемъ, оставляя совершенно въ сторонѣ характеръ субъективныхъ переживаній, вызываемыхъ внѣшнимъ раздраженіемъ, и возможную связь между ними, останавливаетъ свое вниманіе исключительно на соотношеніи между бывшимъ внѣшнимъ раздраженіемъ и внѣшнимъ же проявленіемъ невро-психики, устанавливаемымъ путемъ внутренней переработки возбужденія, вызваннаго бывшимъ внѣшнимъ раздраженіемъ,—

переработки, происходящей на основаніи установленія связи новаго впечатлѣнія со слѣдами отъ бывшихъ ранѣе впечатлѣній. Если понимать объективную психологію въ болѣе широкомъ смыслѣ, то ея предметомъ является изученіе внѣшнихъ отношеній живыхъ существъ къ окружающему міру, обусловленныхъ бывшими внѣшними воздѣйствіями послѣдняго на организмъ животныхъ.

Способность живыхъ тѣлъ реагировать на внѣшнія раздраженія со времени Glisson'a и Haller'a условлено называть раздражительностью. Эта раздражительность познается нами при посредствѣ той или иной формѣ движенія. Будетъ ли это движеніе механическимъ, химическимъ или молекулярнымъ, оно во всякомъ случаѣ доступно объективному изслѣдованію. Эта раздражительность является прообразомъ всякой отвѣтной реакціи живого организма на внѣшнія воздѣйствія. Но ближе всего къ этой раздражительности стоятъ такъ называемые простые рефлексы, гдѣ отвѣтное движеніе находится въ прямой и неизмѣнной связи съ подѣйствовавшимъ раздраженіемъ.

Должно имѣть въ виду, что реакція на внѣшнія воздѣйствія происходитъ не въ однихъ только живыхъ организмахъ, но и въ тѣлахъ мертвой природы. Всякій металлъ подвергается измѣненію въ своемъ молекулярномъ состояніи подъ вліяніемъ внѣшняго удара, теплоты, электричества и т. п. Но въ живыхъ организмахъ независимо отъ этихъ молекулярныхъ перемѣщеній происходятъ реакціи особаго рода, побуждающія къ дѣятельности или угнетающія дѣятельное состояніе сократительныхъ клѣточныхъ элементовъ, какъ первичныхъ организмовъ, составляющихъ живую единицу. Иначе говоря, здѣсь мы встрѣчаемся съ реакціей цѣлой системы, именуемой клѣточнымъ образованіемъ, или ряда системъ, именуемыхъ тканью и органомъ. При этомъ, если имѣть въ виду животныхъ, главное, что характеризуетъ упомянутую реакцію, это—то, что она обусловливается не однимъ лишь внѣшнимъ раздраженіемъ, но и стоитъ въ опредѣленномъ соотношеніи со слѣдами бывшихъ ранѣе раздраженій.

Уже въ простыхъ рефлексахъ мы видимъ какъ бы унаслѣдованную внѣшнюю реакцію на раздраженія, дѣйствовавшія на организмы прошлыхъ поколѣній, причемъ каждый рефлексъ выработался въ теченіе цѣлыхъ генерацій въ опредѣленную наиболѣе подходящую для благосостоянія данной живой системы форму: между тѣмъ въ нервно-психическихъ процессахъ мы имѣемъ въ результатѣ внѣшняго, раздраженія отвѣтное движеніе, которое не стоитъ въ прямой и непосредственной, а потому и неизмѣнной связи съ первымъ,

какъ въ простыхъ рефлексахъ, а находится съ нимъ въ связи при посредствѣ сохранившихся въ теченіе индивиндуальной жизни слѣдовъ прошлыхъ воздѣйствій. Слѣдовательно, нервно-психическая дѣятельность предполагаетъ прежде всего впечатлѣніе и образованіе слѣдовъ внѣшняго воздѣйствія въ мозговыхъ центрахъ и возможность ихъ оживленія при посредствѣ воздѣйствій иного рода, входящихъ въ сочетаніе съ упомянутыми слѣдами, которые въ свою очередь стоятъ въ ближайшемъ или болѣе отдаленномъ сочетаніи съ двигательными импульсами.

При этомъ нужно имѣть въ виду, что наступленіе отвѣтнаго движенія регулируется при посредствѣ слѣдовъ внутреннихъ раздраженій, благодаря чему отвѣтное движеніе можетъ быть задержано или усилено въ зависимости отъ его соотношенія съ упомянутыми слѣдами. Равнымъ образомъ и слѣды внѣшняго воздѣйствія могутъ быть болѣе прочно фиксированными и легче оживляемыми благодаря тому процессу, который можетъ быть названъ сосредоточеніемъ, стоящимъ также въ зависимости въ значительной мѣрѣ отъ слѣдовъ внутреннихъ раздраженій.

Здѣсь нѣтъ надобности особенно распространяться по поводу того, что къ области объективной психологіи должны быть отнесены всѣ тѣ пріобрѣтенія современной психологіи, которыя имѣютъ цѣнность объективнаго знанія. Надо замѣтить, что уже давно проявились стремленія къ тому, чтобы вывести психологію изъ области умозрительной науки и сдѣлать ее естественно-научнымъ знаніемъ. Благодаря этому создалась первоначально такъ называемая психофизика, подвергающая математическому анализу нѣкоторые отдѣлы психологіи, затѣмъ физіологическая психологія, разсматривающая психическіе процессы въ связи съ отправленіями мозга, и наконецъ такъ называемая экспериментальная психологія, имѣющая цѣлью примѣнять опытъ къ изученію невро-психики, дабы тѣмъ сдѣлать изученіе такъ называемыхъ внутреннихъ resp. психическихъ явленій болѣе точнымъ, чѣмъ это достигается путемъ простого самонаблюденія.

Тѣмъ не менѣе и физіологическая, и экспериментальная психологія, если отрѣшится отъ нѣкоторыхъ второстепенныхъ задачъ, изучаютъ главнымъ образомъ субъективную сторону нервно-психическихъ процессовъ. Поэтому объективная психологія для выясненія своихъ задачъ можетъ воспользоваться только той частью матеріала психофизики, физіологической психологіи и экспериментальной психологіи, которая можетъ служить къ выясненію отношеній между воздѣйствіями внѣшнихъ раздраженій и

внѣшними-же проявленіями невро-психики,—отношеній, составляющихъ предметъ изученія объективной психологіи.

Само собою разумѣется, что матеріаломъ для объективной психологіи должны служить не только наблюденія надъ людьми какъ здоровыми, такъ и больными, но и обширныя наблюденія надъ животными всѣхъ видовъ. Кромѣ того объективная психологія даетъ широкое поле эксперименту надъ животными, который съ одной стороны позволяетъ изслѣдовать реакціи на внѣшнія раздраженія со стороны функцій мало доступныхъ для изслѣдованія у человѣка, какъ напримѣръ движеніе внутреннихъ органовъ, отдѣленіе пищеварительныхъ железъ, почекъ, половыхъ органовъ и пр., съ другой стороны путемъ удаленія соотвѣтствующихъ областей мозга позволяетъ установить тѣ центры, участіе которыхъ необходимо для проявленія опредѣленной внѣшней реакціи. Нужно впрочемъ имѣть въ виду, что подобныя же изслѣдованія возможны и надъ людьми съ пораженіемъ тѣхъ или другихъ участковъ мозга.

Вмѣстѣ съ этимъ экспериментъ даетъ возможность установить, какъ упомянутыя реакціи измѣняются въ зависимости отъ примѣненія тѣхъ или другихъ внутреннихъ средствъ и общихъ внѣшнихъ вліяній. Наконецъ путемъ эксперимента выясняются какъ скорость развитія опредѣленныхъ реакцій, такъ и измѣненіе этихъ реакцій въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій эксперимента.

Можно было бы думать, что понимаемая въ вышеуказанномъ смыслѣ объективная психологія уступаетъ субъективной психологіи въ томъ отношеніи, что, игнорируя методъ самонаблюденія, она обречена на темное отгадываніе того ряда внутреннихъ возбужденій, который скрывается за цѣпью воспоминаній, входящихъ въ область изслѣдованія субъективной психологіи. Но дѣловътомъ, что самонаблюденіе не можетъ имѣть вообще никакого значенія, если воспоминанія о пережитомъ не выражены въ опредѣленныхъ словесныхъ символахъ, а съ тѣхъ поръ, какъ пережитый нервно-психическій процессъ выраженъ въ тѣхъ или иныхъ словесныхъ символахъ, онъ уже даетъ соотвѣтствующій матеріалъ, заключающійся въ этихъ символахъ, и для объективной психологіи, которая разсматриваетъ слово, какъ одну изъ важнѣйшихъ двигательныхъ реакцій человѣка.

Такимъ образомъ пережитый нервно-психическій процессъ или цѣпь воспоминаній по терминологіи субъективной психологіи, выраженная въ словесныхъ символахъ, безъ чего она вообще не

можетъ быть доступна никакому вообще научному изслѣдованію, становится предметомъ изученія объективной психологіи, но это изученіе происходитъ не съ точки зрѣнія характера пережитыхъ субъективныхъ состояній, а въ отношеніи тѣхъ внѣшнихъ особенностей, которыя мы открываемъ въ этихъ словесныхъ символахъ, и зависимости ихъ отъ слѣдовъ бывшихъ внѣшнихъ раздраженій. Въ цѣляхъ объективной психологіи поэтому нѣтъ надобности при изученіи нервно-психическихъ процессовъ подставлять самого себя на мѣсто другого лица, передавшаго намъ свои воспоминанія, какъ допускаютъ обыкновенно представители субъективной психологіи. Для первой въ этомъ случаѣ есть только одинъ методъ, методъ объективный и потому она должна обратиться къ объективному изученію тѣхъ внѣшнихъ движеній и словесныхъ знаковъ или символовъ, которыми выразится цѣпь объективно протекшихъ въ центрахъ нервно-психическихъ процессовъ безъ обращенія вниманія на сопутствующія этимъ протекшимъ процессамъ субъективныя явленія. Если словесные знаки не вполнѣ выражаютъ цѣпь бывшихъ процессовъ, то послѣдняя все равно не можетъ быть воспроизведена въ точности никакимъ пылкимъ воображеніемъ другаго лица, тогда какъ объективное наблюденіе внѣшнихъ реакцій въ моментъ самихъ процессовъ дополняетъ недостающее въ словесныхъ символахъ, которые выражаютъ протекшій нервно-психическій процессъ.

Изъ всего вышесказаннаго очевидно, что только одинъ объективный методъ въ изученіи нервно-психическихъ процессовъ другихъ лицъ даетъ вполнѣ твердую точку опоры для научныхъ выводовъ. Въ зависимости отъ большаго или меньшаго развитія и усложненія внѣшнихъ реакцій, развивающихся подъ вліяніемъ внѣшнихъ раздраженій въ связи съ прошлымъ опытомъ, мы и можемъ составить себѣ сужденіе о большей или меньшей полнотѣ и разнообразіи нервно-психическихъ отправленій, а слѣдовательно о большемъ или меньшемъ развитіи и совершенствѣ невро-психики; всякій же иной способъ оцѣнки невро-психики животныхъ и другого человѣка для насъ остается по самой сути дѣла недоступнымъ.

Само собою понятно, что для того, чтобы наблюдать дѣятельность невро-психики въ ея внѣшнихъ проявленіяхъ, необходимо точно наблюдать, а при возможности и регистрировать всѣ вообще движенія и прочія реакціи въ организмѣ, развивающіяся при внѣшнихъ воздѣйствіяхъ въ связи съ прошлыми вліяніями и отмѣчать тѣ внѣшнія раздраженія, слѣды которыхъ послужили

для нихъ внѣшнимъ поводомъ. Это сопоставленіе внѣшнихъ реакцій съ ихъ дѣйствительными поводами, т. е. бывшими внѣшними раздраженіями, и даетъ возможность установить соотношеніе первыхъ съ послѣдними, какъ оно дано въ объективномъ наблюденіи. Нѣтъ надобности говорить, что примѣненіе эксперимента и здѣсь получаетъ благодарную почву, но не въ видахъ изученія субъективныхъ переживаній, какъ это мы имѣемъ обыкновенно въ современной намъ экспериментальной психологіи, а съ цѣлью точнѣе выяснить тѣ соотношенія, которыя устанавливаются между внѣшнимъ впечатлѣніемъ или слѣдомъ отъ внѣшняго раздраженія и слѣдующей за нимъ внѣшней нервно-психической реакціей.

## Нервно-психическіе процессы.

Нервно-психическіе процессы предполагаютъ дѣйствіе раздраженія на воспринимающую поверхность организма и возбужденіе этимъ путемъ дѣятельности центровъ, сохраненіе слѣдовъ этого возбужденія и сочетаніе этихъ слѣдовъ со слѣдами прошлыхъ возбужденій того или иного центра и, какъ результатъ этого сочетанія, соотвѣтствующую реакцію въ видѣ движенія или иной формы проявленія дѣятельности организма. Первая часть этого процесса можетъ быть названа процессомъ впечатлѣнія, вторая часть—процессомъ образованія и сочетанія слѣдовъ, третья же часть можетъ быть названа процессомъ внѣшняго отраженія или развитія внѣшней реакціи.

Наиболѣе характерной стороной нервно-психическаго акта является процессъ сочетанія, предполагающій сохраненіе слѣдовъ прошлыхъ впечатлѣній, съ которыми собственно и устанавливается сочетаніе слѣдовъ отъ новаго впечатлѣнія, возникшаго подъ вліяніемъ внѣшняго раздраженія.

Этотъ процессъ сочетанія составляетъ неотъемлемую и характеристичную принадлежность всякаго нервно-психическаго процесса, причемъ онъ можетъ быть простымъ и болѣе сложнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ можетъ представлять собою цѣлую цѣпь посредствующихъ слѣдовъ, при посредствѣ которыхъ устанавливается сочетаніе слѣдовъ отъ новаго впечатлѣнія со слѣдами отъ бывшихъ ранѣе впечатлѣній.

Возьмемъ собаку, которая незнакома еще съ дѣйствіемъ иглы. Когда она испытаетъ уколъ на своей лапѣ, она тотчасъ же ее отдер-

неть и придетъ въ состояніе безпокойства отъ неожиданнаго раздраженія. Но, когда второй разъ мы будемъ приближаться къ собакѣ съ той же иглой, то, уже завидя издали иглу, собака придетъ въ неописуемое безпокойство и постарается уйти, а если мы будемъ къ ней приближаться съ той же иглой, то она или начнетъ визжать и прятаться въ углы, или начнетъ ворчать и огрызаться. Въ первомъ случаѣ, когда собака отдернула лапу и пришла въ безпокойство при неожиданномъ для нея первоначальномъ раздраженіи, она произвела простой рефлексъ, такъ какъ ея реакція—отдергиваніе лапы и общее безпокойство—стоятъ въ простомъ и непосредственномъ соотношеніи съ произведеннымъ раздраженіемъ. Послѣднее однако не осталось безрезультатнымъ для животнаго и послѣ вызваннаго имъ рефлекса, оно оставило извѣстный слѣдъ въ центрахъ, въ чемъ мы убѣждаемся изъ послѣдующихъ реакцій со стороны животнаго на ту же иглу. Оказывается теперь животное уже не допускаетъ, какъ прежде, прикоснуться къ нему иглой, а, завидя приближеніе иглы, еще издали приходитъ въ безпокойство и убѣгаетъ. Мы вправѣ отсюда заключить, что первый опытъ раздраженія не остался безслѣднымъ, такъ какъ новое раздраженіе даетъ уже иной результатъ по сравненію съ первымъ. Прежде видъ иглы для животнаго значилъ ничуть не болѣе всякаго другого безразличнаго для него предмета, находящагося въ полѣ зрѣнія, такъ какъ животное вполнѣ свободно допускало къ себѣ иглу и лишь при полученномъ уколѣ отдергивало лапу, теперь же оно уже издали, завидя иглу, приходитъ въ безпокойство и убѣгаетъ.

Ясно, что новое внѣшнее раздраженіе съ прежнимъ характеромъ—видъ той же иглы, отпечатлѣваясь въ соотвѣтствующихъ центрахъ животнаго, вызываетъ эффектъ, который ясно говоритъ за сочетаніе слѣда отъ новаго зрительнаго впечатлѣнія съ слѣдомъ бывшаго ранѣе кожнаго впечатлѣнія, такъ какъ новое зрительное впечатлѣніе въ отличіе отъ перваго вызываетъ тотъ же эффектъ, который былъ вызванъ бывшимъ ранѣе кожнымъ впечатлѣніемъ. Это сочетаніе дѣлаетъ реакцію животнаго не простымъ только рефлексомъ, но уже сочетательнымъ рефлексомъ или психо-рефлексомъ если мы примемъ во вниманіе, что сочетательная дѣятельность и есть именно основа всякой нервно-психической дѣятельности.

Далѣе животное не ограничивается простымъ обнаруженіемъ безпокойства при видѣ иглы, но уже убѣгаетъ. Такъ какъ и ранѣе животное при всякомъ сильномъ кожномъ раздраженіи, напр. при ударѣ, убѣгало, то очевидно, что эта новая реакція, повторяющая прежнія подобныя же реакціи, является

*

результатомъ сочетанія слѣда отъ зрительнаго впечатлѣнія, вызваннаго иглой, не только со слѣдами бывшаго предъ тѣмъ кожнаго впечатлѣнія отъ укола иглы, но и ранѣе бывшихъ рѣзкихъ кожныхъ впечатлѣній. Мы встрѣчаемся здѣсь такимъ образомъ не съ однимъ сочетаніемъ, но уже съ цѣлымъ рядомъ сочетаній слѣда отъ извѣстнаго зрительнаго впечатлѣнія не только съ слѣдомъ отъ прошлаго такого же впечатлѣнія, но и съ цѣлымъ рядомъ слѣдовъ отъ бывшихъ ранѣе подобныхъ же или сходственныхъ кожныхъ впечатлѣній. Дальнѣйшее зрительное раздраженіе въ видѣ приближенія съ иглой къ спрятавшемуся животному вызываетъ новую внѣшнюю реакцію: животное обнаруживаетъ визгъ и прячется въ углы или же начинаетъ ворчать и огрызаться. Мы имѣемъ здѣсь слѣд. оборонительную реакцію со стороны животнаго. Нетрудно видѣть, что эта реакція ничуть не является вполнѣ новою. Она обнаруживалась животнымъ и въ прежнее время при подобныхъ же или аналогичныхъ условіяхъ, слѣдовательно мы встрѣчаемся здѣсь съ сочетаніемъ слѣда отъ новаго зрительнаго впечатлѣнія въ видѣ преслѣдованія собаки иглой съ слѣдами отъ подобныхъ же преслѣдованій собаки въ прежнее время какимъ-либо инымъ орудіемъ, производящимъ не менѣе сильное раздраженіе, напримѣръ палкой, въ результатѣ чего и является воспроизведеніе прежде бывшей оборонительной реакціи, развившейся при подобномъ преслѣдованіи.

Такъ какъ во всѣхъ этихъ случаяхъ реакція со стороны животнаго является какъ бы воспроизведенной изъ прошлаго опыта и очевидно основана на сочетаніи слѣда отъ новаго раздраженія со слѣдами отъ бывшаго ранѣе впечатлѣнія, то мы и должны признать эту реакцію за сочетательный рефлексъ или психо-рефлексъ.

Заслуживаетъ также особаго вниманія тотъ фактъ, что дѣятельность центровъ вездѣ и всюду наряду съ процессами возбужденія предполагаетъ и процессы задержки. Благодаря этой задержкѣ, процессы сочетанія могутъ потребовать въ извѣстныхъ случаяхъ крайне значительнаго промежутка времени прежде, чѣмъ наступитъ реакція, какъ результатъ этого сочетанія. Поэтому въ извѣстныхъ случаяхъ реакція можетъ казаться даже самостоятельнымъ явленіемъ. Но въ дѣйствительности тамъ, гдѣ можетъ казаться, что непосредственное раздраженіе, приведшее къ реакціи, отсутствуетъ, оно на самомъ дѣлѣ имѣется, но оказывается очень отдаленнымъ по времени отъ возникшей реакціи, которая такимъ образомъ вездѣ и всюду въ нервно-психическихъ актахъ

является результатомъ сочетанія слѣдовъ того или иного внѣшняго раздраженія со слѣдами прошлыхъ раздраженій.

Изъ предъидущаго нетрудно усмотрѣть, что схемой всѣхъ вообще нервно-психическихъ процессовъ являются рефлексы, передающіеся черезъ высшіе центры нервной системы,—рефлексы, прообразомъ которыхъ въ свою очередь является раздражительность клѣточной протоплазмы. Какъ извѣстно, въ рефлексахъ мы различаемъ слѣдующіе три основныхъ момента: 1) внѣшнее воздѣйствіе на периферіи, возбуждающее центростремительный импульсъ, 2) центральную реакцію и 3) центробѣжный импульсъ, направляющійся по отводящему волокну и приводящій къ мышечному сокращенію или секреторному отдѣленію. Въ такъ называемыхъ психическихъ или собственно нервно-психическихъ процессахъ центральная реакція представляется лишь въ той или иной мѣрѣ задержанной и подвергается болѣе или менѣе значительному усложненію путемъ передачи возбужденія съ одного центра на другой и установленія сочетанія между слѣдами отъ вновь возникшаго возбужденія и слѣдами прежнихъ возбужденій; въ сложныхъ нервно-психическихъ процессахъ мы имѣемъ какъ бы цѣлую цѣпь сочетаній слѣдовъ, конечное звено которыхъ разрѣшается въ формѣ двигательной, секреторной или какой-либо иной внѣшней реакціи.

Хотя, какъ уже ранѣе упоминалось, возможны и болѣе или менѣе продолжительныя задержки нервно-психическаго процесса въ его центральной части, тѣмъ не менѣе полный нервно-психическій процессъ всегда предполагаетъ его окончательное завершеніе въ формѣ той или другой реакціи, служащей его внѣшнимъ выраженіемъ. Въ этомъ отношеніи нервно-психическій процессъ можетъ быть вполнѣ уподобленъ многоразлично усложненнымъ рефлексамъ, съ тѣмъ лишь различіемъ, что проявленіе ихъ на периферіи зависитъ не столько отъ внѣшняго раздраженія, сколько отъ той внутренней переработки, которой подвергается вновь возникшее возбужденіе въ центрахъ благодаря сохранившимся слѣдамъ отъ прошлыхъ впечатлѣній, съ которыми оно вступаетъ въ опредѣленное сочетаніе.

Подобно рефлексамъ нервно-психическіе процессы не прерываются ни въ одномъ пунктѣ въ своей физіологической основѣ и въ результатѣ всегда приводятъ къ развитію того или другого внѣшняго проявленія въ дѣятельности организма [1]). Поэтому

[1]) В. Бехтеревъ. Объективная психологія и ея предметъ. Вѣстникъ Психологіи 1905 года.

всегдашнимъ результатомъ дѣятельности нервно-психической сферы является отраженіе внѣшнихъ воздѣйствій при посредствѣ сочетанія ихъ слѣдовъ со слѣдами, оставшимися въ центрахъ отъ бывшихъ ранѣе воздѣйствій въ видѣ опредѣленной внѣшней реакціи организма. Эта реакція является въ сущности результатомъ преобразованія въ воспринимающихъ органахъ дѣйствующей на нихъ внѣшней энергіи въ нервно-психическую энергію, которая, распространяясь до соотвѣтствующихъ центровъ и передаваясь на другіе центры, возбуждаетъ къ дѣятельности органы движенія или возбуждаетъ секреторную дѣятельность железъ или наконецъ поддерживаетъ и возбуждаетъ питаніе тканей. Если вообще не имѣется особыхъ условій, которыя приводили бы къ задержкѣ въ области центральной нервной системы нервно-психическаго возбужденія, то можно сказать, что всякое вообще внѣшнее воздѣйствіе, достигши той степени, которая приводитъ въ возбужденіе нервные центры, выражается опредѣленной реакціей со стороны организма.

Вообще аналогія съ рефлексами сложной нервно-психической дѣятельности выступаетъ до мелочей.

Такъ извѣстно, что рефлексъ подъ вліяніемъ постороннихъ раздраженій подвергается задержкѣ въ своей центральной части. Далѣе, извѣстно, что внѣшнія вліянія, идущія по одному и тому же центростремительному пути усиливаютъ рефлексъ. Вообще рефлексъ подвергается рѣзкимъ измѣненіямъ въ своей силѣ подъ вліяніемъ сопутственныхъ внѣшнихъ раздраженій; а такъ какъ подъ вліяніемъ послѣднихъ измѣняется и возбудимость центровъ, то очевидно, что и направленіе рефлексовъ можетъ измѣняться въ зависимости отъ сопутственныхъ внѣшнихъ раздраженій. Подобныя же явленія мы открываемъ и въ болѣе сложныхъ нервно-психическихъ процессахъ.

Допустимъ, что человѣкъ, случайно въ лѣсу наткнулся на дикаго звѣря. Въ первый моментъ онъ обращается въ бѣгство, которое, явившись результатомъ зрительнаго впечатлѣнія, вполнѣ напоминаетъ собою простой рефлексъ, хотя дѣло идетъ здѣсь несомнѣнно о нервно-психическомъ актѣ въ формѣ психо-рефлекса resp. сочетательнаго рефлекса. Но затѣмъ, когда бѣгство не оказывается спасительнымъ отъ преслѣдованія звѣря, человѣкъ на минуту останавливается въ нерѣшительности. Здѣсь слѣдовательно подъ вліяніемъ сочетанія слѣдовъ отъ дѣйствующихъ раздраженій произошла задержка развившагося нервно-психическаго процесса совершенно подобно тому, какъ происходитъ

задержка въ рефлексахъ подъ вліяніемъ новаго внѣшняго раздраженія. Допустимъ затѣмъ, что человѣкъ въ минуту нерѣшительности, озираясь кругомъ себя, находитъ орудіе, которое можетъ его спасти. Онъ быстро схватывается за это орудіе, чтобы прибѣгнуть съ его помощью къ необходимой самообороне. Такимъ образомъ явилась рѣшимость защищаться во что бы то ни стало и слѣдовательно возникло новое направленіе психодвигательнаго импульса подъ вліяніемъ новыхъ внѣшнихъ впечатлѣній точь въ точь, какъ въ рефлексахъ, когда возникаетъ новое ихъ направленіе подъ вліяніемъ соотвѣтствующаго измѣненія внѣшнихъ раздраженій.

Приведенный примѣръ съ ясностью показываетъ, что по своему развитію и теченію вся нервно-психическая дѣятельность, обусловленная видомъ звѣря, совершенно уподобляется развитію и теченію обыкновенныхъ сложныхъ рефлексовъ съ тѣмъ лишь, что здѣсь на сцену выдвигается сочетательная и репродуктивная дѣятельность нервной системы, о чемъ рѣчь будетъ въ другомъ мѣстѣ.

Вообще, если имѣть въ виду собственно развитіе и теченіе нервно-психическихъ процессовъ, то и во всѣхъ другихъ случаяхъ эти процессы совершенно напоминаютъ собою теченіе и развитіе обыкновенныхъ рефлексовъ, если мы даже обратимся къ примѣрамъ, заимствованнымъ изъ наблюденій надъ собственной невро-психикой.

По поводу этого я уже ранѣе писалъ слѣдующее: „Когда мы зачитываемся напр. книгою и начинаемъ переживать судьбу героя, съ жадностью слѣдимъ за ходомъ его дѣйствій и наконецъ въ послѣдній моментъ не выдерживаемъ себя отъ охватывающаго насъ волненія; когда мы внимательно слѣдимъ за цьесой въ театрѣ и, предаваясь своимъ чувствамъ, рукоплещемъ игроку, не суть ли все это дѣйствія и движенія, которыхъ аналогія съ рефлексами напрашивается сама собою. Нерѣдко впрочемъ внѣшнее впечатлѣніе, возбуждая рядъ представленій, не вызываетъ въ насъ видимаго внѣшняго эффекта. Но это еще не значитъ, чтобы такого эффекта въ дѣйствительности не было. Напротивъ того онъ существуетъ на лицо, но проявляется въ органахъ растительной сферы и представляется болѣе или менѣе скрытымъ отъ невооруженнаго наблюдателя. Когда мы невзначай слышимъ пріятное для насъ извѣстіе, когда мы смотримъ на акробата, выдѣлывающаго трудныя и опасныя упражненія, когда, погрузившись въ чтеніе романа, мы задумываемся надъ судьбою его героя, то никто разумѣется не обманывается, что подъ кажущимся

спокойствіемъ мы скрываемъ въ себѣ внутреннее волненіе, выражающееся измѣненіемъ сердцебіенія, реакціей сосудодвигательной сферы, учащеніемъ дыханія и проч. Даже такіе процессы мысли, которые для самого лица остаются совершенно безразличными и наружныя проявленія которыхъ онъ старается скрыть *всѣми силами, въ дѣйствительности* сопровождаются столь грубыми движеніями, что хорошій чтецъ мысли съ помощью осязанія быстро узнаетъ задуманные этимъ лицомъ предметы. Точно также, если примѣнить въ подобныхъ случаяхъ тонкіе способы изслѣдованія, то мы всегда найдемъ убѣдительныя внѣшнія проявзнія нервно психической дѣятельности.

Такъ путемъ примѣненія плетизмографа и физіологическихъ вѣсовъ Mosso, мы самымъ наглядным образомъ убѣждаемся въ тѣхъ измѣненіяхъ, которымъ подвергается кровеобращеніе подъ вліяніемъ нервно-психическихъ процессовъ. Точно также, наблюдая кожные токи, какъ дѣлалъ проф. Тархановъ, нетрудно обнаружить въ нихъ рѣзкія измѣненія, выражающіяся отклоненіемъ стрѣлки мультипликатора при самой ничтожной умственной работѣ, какъ напр. при мысленномъ чтеніи заученныхъ стиховъ, при сосредоточеніи вниманія и т. п.

При разсмотрѣніи нервно-психической дѣятельности необходимо вообще имѣть въ виду ту особенность, что внѣшнее впечатлѣніе, независимо отъ всякой внутренней задержки, обыкновенно не вызываетъ тотчасъ же отвѣтнаго движенія, а возбуждаетъ лишь цѣлый рядъ внутреннихъ нервно-психическихъ процессовъ, не влекущихъ за собой непосредственно внѣшняго эффекта. Очевидно, что импульсъ, вызванный внѣшнимъ впечатлѣніемъ, хотя и не влечетъ непосредственно за собою дѣйствія, но зато, возбуждая внутреннюю работу мысли, онъ можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ болѣе отдаленный эффектъ во внѣшнемъ мірѣ и притомъ часто болѣе значительный по сравненію съ подѣйствовавшимъ впечатлѣніемъ. Когда мы тихо обдумываемъ какой-либо предметъ или когда мы безмолвно созерцаемъ окружающее насъ пространство, мы не производимъ, не смотря на совершаемую нами мыслительную работу, какихъ-либо внѣшнихъ движеній. Но можетъ ли кто-либо утверждать, что эта умственная работа не обнаружится впослѣдствіи тѣмъ или другимъ родомъ движенія, что она не проявится хотя бы усиленіемъ того или иного движенія, обусловленнаго другими психическими импульсами, что оно наконецъ не проявится вліяніемъ на послѣдующій ходъ нашихъ мыслей, могущій привести насъ къ тому или иному

поступку, слѣдовательно, не перейдетъ въ дѣйствительную работу центровъ, связанную съ затратой энергіи и выражающуюся въ формѣ того или иного внѣшняго движенія? Конечно нѣтъ. Вотъ почему мы можемъ считать закономъ, что нервно-психическіе процессы ничуть не остаются вполнѣ скрытыми или внутренними процессами, но что они подобно рефлексамъ рано или поздно обнаруживаются тѣми или другими внѣшними проявленіями, иначе говоря, рано или поздно переходятъ въ механическую работу мышцъ или въ молекулярную работу железъ и другихъ тканей. Въ виду этого, изучая дѣятельность мышцъ и железъ, усобловленныхъ нервно-психическими импульсами, мы изучаемъ тѣ внѣшнія проявленія невро-психики, которыя, какъ и всѣ внѣшнія проявленія, легко подвергаются объективному изслѣдованію и конгролю [1]).

Должно однако имѣть въ виду, что въ условіяхъ дѣятельности нервно-психической сферы долженъ быть принятъ во вниманіе одинъ факторъ, который существеннымъ образомъ усложняетъ теченіе нервно-психитическихъ процессовъ, это—преобла-дающее значеніе запаса слѣдовъ отъ внутреннихъ раздраженій. Отъ самаго начала жизни организма нервно-психическая сфера получаетъ раздраженія со стороны внутреннихъ органовъ, передаваемыя при посредствѣ внутреностныхъ нервовъ. Голодъ, жажда, неудовлетворенность, пресыщеніе и другія состоянія организма, раздражая симпатическіе нервы тѣла, передаютъ свои возбужденія къ центрамъ, гдѣ остаются и сохраняются слѣды отъ этихъ возбужденій. Особое значеніе этой группы слѣдовъ въ дѣятельности нервно-психической сферы обусловливается тѣмъ что внутреннія раздраженія являются наиболѣе существенными возбудителями движенія, какъ раздраженія, отличающіяся наибольшей интенсивностью и распространенностью и связанныя съ удовлетвореніемъ или неудовлетвореніемъ насущныхъ потребностей организма. Поэтому вполнѣ естественно, что и слѣды отъ внутреннихъ возбужденій въ центрахъ, пріобрѣтаютъ особую важность въ сочетаніяхъ слѣдовъ, накопляющихся въ нервной системѣ при дѣятельномъ состояніи организма.

Эти внутреннія раздраженія и очевидно ихъ слѣды въ центрахъ являются основными руководителями движенія, а такъ какъ при посредствѣ движенія же въ большинствѣ случаевъ пріі-

---

[1]) В. Бехтеревъ. Объективная психологія и ея предметъ. Вѣстникъ Психологіи 1905 года стр.

обрѣтаются животнымъ организмомъ и болѣе отчетливыя впечатлѣнія внѣшнихъ органовъ, оставляющія въ центрахъ свои слѣды, то вполнѣ понятно, что эти послѣдніе вступаютъ въ сочетаніе со слѣдами отъ внутреннихъ раздраженій, которые, будучи первичными слѣдами, всегда тѣсно связанными съ состояніемъ организма, являются основными репродукторами слѣдовъ отъ внѣшнихъ раздраженій.

На этомъ и основано активно-индивидуальное отношеніе живого существа къ внѣшнимъ раздраженіямъ. Въ то время какъ въ простыхъ рефлексахъ процессъ нервнаго отраженія пробѣгаетъ всегда по опредѣленному разъ данному пути, обусловленному строго опредѣленной связью нервныхъ элементовъ, здѣсь въ невро-психикѣ все зависитъ отъ тѣхъ соотношеній, въ какія вступаютъ слѣды отъ новыхъ внѣшнихъ раздраженій со слѣдами отъ внутреннихъ раздраженій. Такъ какъ внутреннія раздраженія измѣняются вмѣстѣ съ общимъ состояніемъ организма (голодъ, сытость и пр.), то очевидно, что съ этимъ связано различное отношеніе невро-психики къ однимъ и тѣмъ же внѣшнимъ раздраженіямъ. Въ одномъ случаѣ они явятся возбудителями наступательной реакціи, въ другомъ случаѣ тѣ же внѣшнія раздраженія не приведутъ къ развитію движенія или же вызовутъ оборонительную реакцію. Такимъ образомъ опредѣлителями движенія здѣсь являются собственно внутреннія раздраженія и ихъ слѣды или, точнѣе говоря, тѣ соотношенія, въ которыя вступаютъ слѣды отъ данныхъ внѣшнихъ раздраженій со слѣдами отъ тѣхъ или иныхъ внутреннихъ раздраженій. Само собою разумѣется, что и слѣды отъ прошлыхъ внутреннихъ раздраженій, благодаря установившейся связи, оказываютъ въ извѣстныхъ случаяхъ не менѣе значительное руководящее значеніе по отношенію къ характеру двигательной реакціи. Такимъ образомъ, если слѣды отъ внѣшнихъ раздраженій опредѣляютъ цѣль и направленіе внѣшней реакціи, то характеръ ея, т. е. будетъ ли она наступательною или оборонительною, обусловливается главнымъ образомъ слѣдами отъ внутреннихъ раздраженій, которыя, благодаря установившимся сочетаніямъ, оживляются почти при всякомъ внѣшнемъ воздѣйствіи.

Врядъ ли нужно говорить, что внутреннія раздраженія оживляя старые слѣды отъ внѣшнихъ раздраженій, являются и самостоятельными возбудителями движенія. Голодное животное ищетъ пищи, при жаждѣ идетъ къ водѣ и т. п.

Всѣ эти данныя не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что при всемъ сходствѣ развитія и теченія нервно-психическихъ процес-

совъ съ развитіемъ и теченіемъ обыкновенныхъ рефлексовъ, имѣются и существенныя различія между тѣми и другими, состоящія въ участіи сочетаній слѣдовъ отъ новыхъ впечатлѣній со слѣдами отъ бывшихъ ранѣе впечатлѣній. въ оживленіи прежнихъ слѣдовъ и въ руководящемъ значеніи въ отношеніи характера реакціи внутреннихъ раздраженій и ихъ слѣдовъ, тогда какъ направленіе реакціи, какъ и въ обыкновенныхъ рефлексахъ, опредѣляется внѣшними раздраженіями.

Изъ вышеизложеннаго ясно, что, если и можно говорить объ уподобленіи нервно-психическихъ процессовъ рефлекторнымъ, то во всякомъ случаѣ нельзя упускать изъ виду и той сложности этихъ процессовъ, съ которой мы обыкновенно въ нихъ встрѣчаемся. Благодаря репродуктивной и сочетательной дѣятельности нервной системы можетъ оказаться, что возникшее на периферіи раздраженіе, достигши центровъ, оживляетъ здѣсь слѣды отъ бывшихъ ранѣе и отдаленныхъ по времени впечатлѣній и при томъ впечатлѣній, обусловленныхъ раздраженіемъ другого органа, которыя и опредѣляютъ направленіе внѣшней реакціи. Съ другой стороны новое впечатлѣніе, оживляя слѣды отъ постоянно притекающихъ внутреннихъ тѣлесныхъ раздраженій, при посредствѣ этихъ слѣдовъ можетъ возбудить несоотвѣтственную силѣ внѣшняго раздраженія мышечную, сосудодвигательную или секреторную реакцію или же впечатлѣніе можетъ оказаться задержаннымъ въ центрахъ, оставаясь до времени неразрѣшеннымъ и являясь въ формѣ какъ бы скрытой энергіи центровъ.

Если мы обратимся теперь къ вопросу о внутренней природѣ отпечатковъ въ центрахъ и ихъ слѣдовъ, то необходимо прежде всего указать, что нѣтъ никакого основанія признавать тождество возбуждаемыхъ съ разныхъ областей периферіи объективныхъ нервныхъ процессовъ, какъ въ самихъ периферическихъ приводахъ разныхъ воспринимающихъ органовъ, такъ и въ соотвѣтствующихъ нервныхъ центрахъ. Уже различное устройство периферическихъ воспринимающихъ аппаратовъ говоритъ за то, что возбуждаемый въ нихъ нервный токъ представляется неодинаковымъ по своему ритму, что соотвѣтствуетъ различному характеру внѣшнихъ раздраженій, притекающихъ съ периферіи.

Дѣйствительно, если мы примемъ во вниманіе, что въ различныхъ воспринимающихъ органахъ на периферіи (органы осязанія, вкуса, обонянія, слуха и зрѣнія) мы имѣемъ совершенно особыя и разнородныя по своему устройству приспособленія для воспринятія внѣшнихъ раздраженій,—приспособленія, данныя въ

эпителіальныхъ приборахъ и въ своеобразномъ отношеніи къ нимъ периферическихъ нервныхъ окончаній, то очевидно мы должны придти къ выводу, что и волна возбужденія, развивающаяся въ каждомъ периферическомъ нервномъ приборѣ подъ вліяніемъ опредѣленнаго внѣшняго раздраженія должна быть неодинаковою [1]). Отсюда очевидно, что и возбужденіе всего нервнаго пути, возникающее подъ вліяніемъ внѣшняго раздраженія, дѣйствующаго на различные органы чувствъ, должно быть неодинаковымъ, выражаясь нервнымъ токомъ различнаго ритма.

Дѣло въ томъ, что первоисточникомъ нервно-психическаго процесса является физіологическій процессъ возбужденія, возникающій при внѣшнихъ воздѣйствіяхъ въ периферическомъ воспринимающемъ органѣ. Такъ какъ этотъ процессъ возбужденія на периферіи въ зависимости отъ приспособленій, имѣющихся въ воспринимающемъ аппаратѣ, представляется неодинаковымъ, то очевидно долженъ быть неодинаковымъ и нервный токъ, направляющійся къ нервнымъ центрамъ, а равно и возбужденіе послѣднихъ. Ясно, что эти различія въ нервномъ токѣ, обусловленныя различнымъ устройствомъ периферическихъ воспринимающихъ приборовъ, должны лежать въ основѣ образованія неодинаковыхъ слѣдовъ бывшихъ возбужденій, будемъ ли мы понимать эти слѣды въ формѣ какъ бы ослабленныхъ возбужденій, или же, что мы считаемъ болѣе правдоподобнымъ, мы будемъ ихъ признавать въ формѣ такихъ молекулярныхъ измѣненій, которыя какъ бы удерживаютъ или сохраняютъ готовность къ возобновленію въ опредѣленной области нервныхъ центровъ колебаній прежняго ритма.

Должно однако имѣть въ виду, что, хотя внѣшнія раздраженія, различныя по своему характеру, дѣйствуя на различные воспринимающіе органы, приводятъ къ неодинаковому въ отношеніи своего ритма нервному току, тѣмъ не менѣе общій ходъ нервно-психическаго процесса, откуда бы онъ ни возникъ, представляется всегда однимъ и тѣмъ же, причемъ въ каждомъ случаѣ онъ испытываетъ то въ болѣе полной, то въ менѣе полной мѣрѣ одни и тѣ же стадіи своего развитія и усложненія

Такъ зрительное впечатлѣніе, развившись въ первичномъ корковомъ центрѣ зрѣнія (на внутренней поверхности затылочной доли) подъ вліяніемъ притекающаго съ сѣтчатки глаза нервнаго тока, влечетъ за собою развитіе возбужденія во вторичномъ зрительномъ

---

[1]) См В. Бехтеревъ. Основы ученія о функціяхъ мозга, вып. I, стр. 16, главу: „Объ условіяхъ проведенія въ нервной системѣ“.

центрѣ на наружной поверхности затылочной доли, гдѣ слѣдъ отъ зрительнаго впечатлѣнія вступаетъ въ сочетаніе съ оживляющимися слѣдами отъ бывшихъ ранѣе осязательно-мышечныхъ раздраженій, стоящихъ въ тѣсномъ соотношеніи съ даннымъ зрительнымъ впечатлѣніемъ, возбуждая направленіе взора на видимый предметъ. Этотъ сочетанный слѣдъ или, точнѣе говоря, сплоченная группа слѣдовъ, приводитъ въ возбужденіе височныя области мозговой коры, гдѣ оживляется слѣдъ отъ слухового символа, соотвѣтствующаго данному сочетанію слѣдовъ отъ осматриваемаго предмета, причемъ слуховой слѣдъ отъ даннаго символа, благодаря установившемуся сочетанію, возбуждаетъ въ двигательномъ рѣчевомъ центрѣ слѣдъ отъ соотвѣтствующаго двигательнаго символа, вызывая словесную реакцію, а затѣмъ слѣды отъ слухового и двигательнаго символа, могутъ возбудить рядъ слѣдовъ отъ подобныхъ же символовъ, стоящихъ въ тѣсномъ соотношеніи съ первыми и т. д. Эти слѣды, возбуждая корковые центры внутреннихъ органовъ, въ свою очередь оживляютъ здѣсь слѣды, которые и опредѣляютъ характеръ двигательной реакціи (наступательной или оборонительной) или той или другой секреторной реакціи, направленіе которой, иначе говоря, цѣль, опредѣляется первичнымъ внѣшнимъ раздраженіемъ.

Само собою разумѣется, что всѣ новыя центральныя возбужденія оставляютъ по себѣ опредѣленныя измѣненія въ нервныхъ центрахъ въ видѣ слѣдовъ, которые при извѣстныхъ условіяхъ, когда возбужденіе, благодаря проторенію опредѣленнаго пути, вновь достигнетъ тѣхъ же областей, способны къ оживленію. Вслѣдствіе этого и происходятъ сочетанія со слѣдами отъ бывшихъ ранѣе возбужденій, оживляющимися подъ вліяніемъ притекающаго къ нимъ нервнаго тока. Такимъ образомъ проявляется съ одной стороны фиксирующая и репродуктивная дѣятельность нервной системы, приводящая къ накопленію результатовъ прошлыхъ возбужденій въ формѣ скрытаго расположенія или такъ наз. слѣдовъ, способныхъ къ оживленію, съ другой—сочетательная ея дѣятельность, приводящая къ усложненію нервно-психическаго процесса путемъ многоразличныхъ сочетаній слѣдовъ другъ съ другомъ.

Должно еще упомянуть, что сочетательная дѣятельность проявляется не только по отношенію къ цѣлымъ слѣдамъ, какой бы сложности они не были, но и по отношенію къ ихъ отдѣльнымъ частямъ, выдѣляющимся отъ другихъ частей по тѣмъ или другимъ признакамъ, чѣмъ дана возможность обособленія отдѣль-

ныхъ частей центральнаго возбужденія и сочетанія ихъ съ слѣдами бывшихъ ранѣе возбужденій.

Изъ сказаннаго очевидно, что въ нервно-психической дѣятельности дѣло идетъ о такомъ процессѣ отраженія, который, разъ возбудившись, заканчивается внѣшней реакціей въ неодинаковый періодъ времени, въ зависимости отъ того или иного усложненія путемъ разнообразныхъ сочетаній со слѣдами бывшихъ ранѣе возбужденій,—усложненія, которому онъ подвергается на своемъ пути. При этомъ должно имѣть въ виду еще возможность болѣе или менѣе значительной задержки возбужденія корковыхъ центровъ, которая подъ вліяніемъ встрѣчныхъ возбужденій, исходящихъ изъ другихъ областей мозговой коры, развивается въ гораздо большей мѣрѣ, нежели въ обыкновенныхъ рефлексахъ

Извѣстно, что уже въ простыхъ рефлексахъ мы обычно встрѣчаемся съ актомъ задержки или торможенія нервнаго возбужденія. Дѣло въ томъ, что всякій центръ, чрезъ который передается возбужденіе, есть въ извѣстной мѣрѣ аккумуляторъ нервной энергіи и, пока послѣдняя въ немъ не достигла извѣстной степени напряженія, центръ остается въ недѣятельномъ состояніи, задерживая въ себѣ притекающее къ нему нервное возбужденіе. На этомъ основанъ процессъ суммированія внѣшнихъ раздраженій, состоящій въ томъ, что, если мы имѣемъ слабыя внѣшнія вліянія въ отдѣльности взятыя, то они остаются безъ эффекта, тогда какъ послѣдовательный рядъ тѣхъ же слабыхъ внѣшнихъ раздраженій, въ отдѣльности остающихся безъ эффекта, приводитъ центры въ дѣятельное состояніе.

Эти акты торможенія рефлексовъ въ настоящее время хорошо изучены, какъ изучены и акты торможенія, проявляющіеся въ периферическихъ двигательныхъ нервныхъ проводникахъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ изучены въ значительной мѣрѣ и акты торможенія, развивающіеся въ процессахъ головного мозга и въ частности корковыхъ. На всѣхъ этихъ фактахъ мы не считаемъ необходимымъ здѣсь останавливаться, какъ на фактахъ уже извѣстныхъ [2]). Мызамѣтимъ лишь, что, чѣмъ сложнѣе проявленія нервно-психической дѣятельности, тѣмъ въ большей мѣрѣ обнаруживаются и акты торможенія, что зависитъ очевидно отъ болѣе сложныхъ соотношеній высшихъ нервныхъ центровъ. Психо-рефлексы resp. сочетательные рефлексы напр. много медленнѣе протекаютъ, нежели простые

[1]) См. Введенскій. Возбужденіе, торможеніе, наркозъ. Спб.

[2]) Желающіе могутъ найти въ этомъ отношеніи соотвѣтствующія указанія въ моей книгѣ: „Основы ученія о функціи мозга“, Спб., вып. I, 1903 г.

рефлексы, а болѣе сложные акты нервно-психической дѣятельности протекаютъ еще медленнѣе. Вообще говоря, всѣ изслѣдованія не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что самый простой элементарный нервно-психическій актъ протекаетъ много медленнѣе обыкновенныхъ рефлексовъ. Въ сложныхъ же процессахъ нервно-психической дѣятельности, благодаря задержкѣ, конечный результатъ извѣстнаго внѣшняго воздѣйствія можетъ отодвинуться на весьма продолжительное время. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ внѣшнее вліяніе, подѣйствовавшее въ раннемъ возрастѣ, можетъ оставить слѣды своего дѣйствія, которыя скажутся въ позднѣйшій періодъ дѣятельности организма; иначе говоря, слѣды могутъ оставаться фиксированными въ теченіе многихъ лѣтъ прежде, чѣмъ оживленіе ихъ приведетъ къ проявленію внѣшняго эффекта. Эта задержка особенно нерѣдко развивается, благодаря соотношенію возбужденій отъ внѣшнихъ воздѣйствій со слѣдами, являющимися результатомъ внутреннихъ воздѣйствій органическаго характера. Благодаря этому соотношенію устанавливается иногда задержка внѣшнихъ реакцій, несмотря на то, что казалось бы имѣются на лицо всѣ подходящія условія для проявленія внѣшней реакціи. При всемъ томъ всякій вообще нервно-психическій процессъ, какіе бы стадіи развитія и усложненія онъ не проходилъ, даже и при временной его задержкѣ въ центрахъ въ концѣ концовъ проявляется той или другой внѣшней реакціей на периферіи и въ этомъ его основное сходство съ рефлексами.

Если мы спросимъ себя теперь, какое же существуетъ различіе между нервно-психическими реакціями, разсматриваемыми съ чисто объективной стороны, и простыми рефлекторными реакціями, то согласно всему вышеизложенному мы должны признать нервно-психическою реакціею такую, которая, требуя для своего проявленія времени болѣе всякой другой чисто рефлекторной реакціи, опредѣляется не внѣшними свойствами даннаго раздраженія, а сочетательной и репродуктивной дѣятельностью нервной системы.

Такимъ образомъ къ нервно-психическимъ должны быть отнесены тѣ акты, которые являются слѣдствіемъ установленія внутренняго сочетанія между слѣдами двухъ или нѣсколькихъ послѣдовательныхъ раздраженій. Такъ колотье иглой вызываетъ оборонительное движеніе рефлекторнаго характера, но, если уже видъ иглы вызываетъ соотвѣтствующія оборонительныя движенія, предупреждающія колотье, то мы имѣемъ дѣло съ сочетательной, а слѣдовательно съ нервно-психической реакціей, а не рефлексомъ, такъ какъ видъ иглы въ данномъ случаѣ не самъ по себѣ вы-

зываетъ внѣшнюю реакцію, а путемъ сочетанія ея отпечатка со слѣдомъ отъ бывшаго кожнаго раздраженія и оживленія этого послѣдняго.

Возьмемъ младенца, который, видя второй разъ своего доктора, начинаетъ плакать, такъ какъ ранѣе этотъ докторъ причинилъ неожиданно рѣзкое кожное раздраженіе во время прививки оспы. Здѣсь реакція не обусловлена самымъ видомъ доктора, а сочетаніемъ его зрительнаго отпечатка со слѣдомъ бывшаго кожнаго раздраженія и репродукціей послѣдняго. Въ обоихъ только что приведенныхъ примѣрахъ, мы имѣемъ сочетательную и репродуктивную дѣятельность нервной системы, составляющую характерную особенность всѣхъ нервно-психическихъ реакцій.

Возьмемъ другой примѣръ, на которомъ мы ранѣе останавливались для другой цѣли. Внезапная встрѣча съ дикимъ звѣремъ и бѣгство. Видъ животнаго самъ по себѣ недостаточенъ, чтобы обратить человѣка въ бѣгство. Но, такъ какъ отпечатокъ отъ даннаго животнаго сочетается со слѣдами о возможной опасности и послѣдствіяхъ нападенія звѣря, то отсюда и возникаетъ сочетательная или психо-рефлекторная реакція въ видѣ бѣгства. Очевидно, что и здѣсь мы встрѣчаемся съ репродуктивной и сочетательной дѣятельностью нервной системы.

Но достаточно запереть того же звѣря въ клѣтку и мы спокойно будемъ его разсматривать, не обнаруживая никакихъ стремленій къ бѣгству, такъ какъ прежній опытъ говоритъ намъ о нашей полной безопасности въ этомъ случаѣ и слѣдовательно новый отпечатокъ при сочетаніи съ прежними слѣдами отъ дикаго звѣря приводитъ къ задержкѣ соотвѣтствующей двигательной реакціи.

## Общая схема нервно-психическихъ процессовъ.

Въ предыдущемъ изложеніи уже были намѣчены главные пункты той схемы, которая должна служить основой нервно-психическихъ процессовъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду важности самаго вопроса, мы здѣсь остановимся на немъ особо, такъ какъ въ нервно-психическихъ процессахъ отношенія между раздраженіями и реакціями, какъ показываютъ изслѣдованія, на самомъ дѣлѣ далеко не такъ просты, какъ можетъ показаться съ самаго начала. Въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ дѣло съ

сложной внутренней работой, раскрыть которую входитъ въ прямую задачу объективной психологіи.

Отношенія между раздраженіями и реакціями во всемъ живомъ предполагаетъ существованіе особаго внутренняго молекулярнаго процесса, который при наиболѣе простомъ соотношеніи раздраженія и реакціи, представленномъ въ нисшихъ организмахъ, выражается непосредственнымъ сокращеніемъ протоплазмы подъ вліяніемъ внѣшняго раздраженія, благодаря свойственной ей сократительности; у животныхъ же, снабженныхъ нервной системой, послѣдняя является посредникомъ въ передачѣ внѣшняго импульса къ сократительному веществу. Въ восходящемъ ряду животныхъ это посредничество все болѣе и болѣе усложняется, вмѣстѣ съ чѣмъ и строеніе нервной системы представляется все болѣе и болѣе сложнымъ.

Въ наиболѣе простомъ видѣ отношеніе между раздраженіемъ и реакціей у животныхъ, снабженныхъ нервной системой, какъ мы уже говорили, предполагаетъ по крайней мѣрѣ три послѣдовательныхъ процесса:

1) процессъ центростремительнаго проведенія;

2) процессъ возбужденія въ клѣткахъ центральныхъ органовъ

и 3) процессъ центробѣжнаго проведенія.

Эта схема служитъ выраженіемъ обыкновеннаго рефлекса, который можетъ представлять усложненіе въ томъ отношеніи, что передача импульсовъ можетъ происходить не черезъ одинъ, а черезъ два, три и болѣе центровъ.

Тѣмъ не менѣе, пока дѣло идетъ о простой передачѣ съ центростремительнаго привода черезъ одинъ или нѣсколько центровъ на центробѣжное волокно мы можемъ говорить о рефлексѣ простомъ или сложномъ.

Лишь съ того момента, когда эта передача не происходитъ столь простымъ образомъ, а осложняется, благодаря сочетанію, оживленіемъ слѣдовъ отъ бывшихъ ранѣе раздраженій, мы можемъ говорить уже о нервно-психическомъ процессѣ въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Такимъ образомъ первичный нервно-психическій процессъ предполагаетъ образованіе слѣдовъ отъ бывшихъ ранѣе раздраженій, будучи основанъ на оживленіи этихъ слѣдовъ, предполагающемъ существованіе извѣстнаго сочетанія между вновь возникающими и бывшими ранѣе слѣдами.

Самое образованіе слѣдовъ предполагаетъ уже не простую

передачу центростремительнаго импульса черезъ центръ на центробѣжный путь, а болѣе сложный процессъ, основанный, какъ показываетъ опытъ, на болѣе длительной задержкѣ возбужденія въ воспринимающемъ центрѣ, которое въ отличіе отъ простой рефлекторной передачи черезъ центръ мы можемъ назвать процессомъ впечатлѣнія [1]).

Итакъ, въ наиболѣе простомъ видѣ нервно-психическій процессъ, устанавливающій соотношеніе между раздраженіемъ и реакціей, состоитъ изъ слѣдующихъ процессовъ: 1) центростремительнаго проведенія, 2) впечатлѣнія или образованія отпечатка, 3) отложенія слѣда отъ этого отпечатка, 4) сочетанія его съ прежними слѣдами путемъ оживленія послѣднихъ и 5) центробѣжнаго проведенія, обусловленнаго оживленіемъ этихъ слѣдовъ.

Въ болѣе сложныхъ нервно-психическихъ процессахъ мы встрѣчаемся еще съ дальнѣйшимъ усложненіемъ внутренней переработки отпечатковъ отъ происшедшихъ раздраженій путемъ многоразличныхъ сочетаній ихъ слѣдовъ съ прежними слѣдами и послѣдовательнаго оживленія послѣднихъ.

Должно имѣть въ виду, что нервно-психическіе процессы ничуть не составляютъ исключительной принадлежности высшаго органа нервной системы, т. е. полушарій головного мозга, такъ какъ у низшихъ животныхъ, не обладающихъ полушаріями головного мозга (напр. amphyoxus), тѣмъ не менѣе могутъ быть открыты элементарные нервно-психическіе процессы. Послѣдніе наблюдаются несомнѣнно и у животныхъ, обладающихъ лишь одной узловой системой, и даже могутъ быть констатированы у тѣхъ изъ низшихъ животныхъ, у которыхъ въ сущности даже не существуетъ нервной ткани и гдѣ протоплазма какъ-бы олицетворяетъ собою дифференцированныя ткани высшихъ животныхъ и въ томъ числѣ нервную.

Тѣмъ не менѣе у высшихъ животныхъ, снабженныхъ центральной нервной системой, какъ показываетъ опытъ, нервно-психическіе процессы, представляясь значительно болѣе сложными, нежели у низшихъ животныхъ, совершаются главнымъ образомъ, если не исключительно, въ корѣ мозговыхъ полушарій.

Доказательствомъ этому служатъ опыты съ удаленіемъ у животныхъ мозговыхъ полушарій, послѣ чего нервно-психическая дѣятельность утрачивается вполнѣ или почти вполнѣ. Такимъ

---

[1]) Мы пользуемся здѣсь этимъ довольно старымъ терминомъ, руководясь тѣмъ, что онъ совершенно не содержитъ въ себѣ указанія на субъективную сторону процесса, а говоритъ лишь о впечатлѣніи или запечатлѣніи внѣшняго возбужденія въ центрахъ, т. е. о чисто объективной сторонѣ процесса.

образомъ у высшихъ животныхъ главнымъ органомъ нервно-психической дѣятельности является кора мозговыхъ полушарій съ ея обширнымъ развитіемъ сѣраго мозгового вещества и не менѣе богатымъ развитіемъ ассоціаціонныхъ волоконъ, связывающихъ различныя территоріи сѣраго корковаго вещества между собою. При этомъ прежде, чѣмъ достигнуть мозговой коры, центростремительное проведеніе обыкновенно проходитъ нѣсколько этапныхъ пунктовъ, въ которыхъ центростремительный импульсъ можетъ переходить на центробѣжные проводники.

Этимъ путемъ происходитъ болѣе короткое замыканіе цѣпи, приводящее къ осуществленію болѣе простыхъ рефлекторныхъ движеній прежде, чѣмъ центростремительное проведеніе достигнетъ мозговой коры.

Возьмемъ зрительное возбужденіе. Свѣтъ, падающій на сѣтчатку, возбуждаетъ ея нервные элементы и развиваетъ физіологическій процессъ центростремительнаго проведенія. Послѣдній прежде всего развиваетъ возбужденіе въ периферическомъ рѣсничномъ узлѣ глаза, въ которомъ оно передается при посредствѣ рѣсничныхъ нервовъ къ iris, вызывая защитительное отъ избытка свѣта сокращеніе зрачка. На дальнѣйшемъ своемъ пути центростремительный импульсъ передается за chiasma къ области дна 3-го желудочка, производя рефлекторное вліяніе на статическую координацію, затѣмъ на уровнѣ corp. genic. ext. и передняго четверохолмія онъ передается къ ядрамъ n. oculomotorii, возбуждая здѣсь вторично зрачковый рефлексъ, рефлекторный процессъ аккоммодаціи и рефлекторныя движенія глазъ и вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждая при посредствѣ передняго четверохолмія рядъ рефлекторныхъ движеній въ другихъ частяхъ тѣла, развивающихся подъ вліяніемъ раздраженія сѣтчатки глаза.

Наконецъ, мы имѣемъ корковое возбужденіе, развивающееся въ f. calcarina, которое въ свою очередь возбуждаетъ аккоммодаціонные двигательные импульсы, болѣе или менѣе точно приспособляющіе глазъ къ источнику зрительнаго раздраженія. За этимъ корковымъ зрительнымъ возбужденіемъ слѣдуетъ возбужденіе сосѣднихъ корковыхъ областей на наружной поверхности затылочной доли мозговой коры, приводящее къ образованію зрительнаго слѣда, вступающаго въ тѣсное сочетаніе со слѣдами соотвѣтствующихъ осязательномышечныхъ импульсовъ.

Въ дальнѣйшемъ нужно имѣть въ виду, что въ мозговой корѣ, какъ уже ранѣе упоминалось, болѣе, чѣмъ гдѣ либо въ нервной системѣ, развиты процессы торможенія, причемъ болѣе

сильное возбужденіе, развивающееся въ той или другой области мозговой коры, подавляетъ слабѣйшее возбужденіе, развивающееся въ другихъ частяхъ мозговой коры. На процессахъ проторенія путей (Bahnung нѣмцевъ) и совозбужденія или оживленія прежнихъ слѣдовъ съ одной стороны и процессахъ торможенія или подавленія ихъ съ другой и основана вся сложная дѣятельность нервно-психической сферы.

Выше уже была рѣчь о томъ, что слѣды, отлагаемые въ мозговой корѣ отъ бывшихъ впечатлѣній, сочетаются между собою не только цѣликомъ, но и по отдѣльнымъ своимъ частямъ, соотвѣтствующимъ тѣмъ или другимъ признакамъ внѣшняго объекта, а это даетъ возможность крайне разносторонняго сочетанія, а слѣдовательно и передачи возбужденія отъ мѣста развитія новаго слѣда на другія области мозговой коры, хранящіе въ себѣ слѣды отъ бывшихъ ранѣе возбужденій. Такимъ образомъ въ результатѣ первоначальнаго впечатлѣнія мы можемъ имѣть процессъ возбужденія въ самыхъ различныхъ областяхъ мозговой коры, занятыхъ слѣдами прошлыхъ впечатлѣній.

Эти слѣды отъ бывшихъ корковыхъ возбужденій у человѣка обыкновенно сочетаются со слѣдами рѣчевыхъ символовъ осязательно-мышечнаго, слухового и зрительнаго характера, которые хранятся въ особыхъ т. наз. рѣчевыхъ центрахъ и которые состоятъ между собою въ свою очередь въ тѣснѣйшемъ взаимномъ сочетаніи. Такимъ образомъ первоначальное впечатлѣніе можетъ оживить слѣды соотвѣтствующихъ символовъ и этимъ путемъ развить центробѣжный импульсъ въ рѣчевомъ аппаратѣ.

Далѣе рядъ отдѣльныхъ слѣдовъ, имѣющихъ сходственныя между собою черты въ томъ или другомъ отношеніи, обобщается въ одинъ сложный комплексъ путемъ сочетанія ихъ съ однимъ и тѣмъ же общимъ для нихъ символомъ или знакомъ осязательно-мышечнаго, слухового или зрительнаго характера, который играетъ въ этомъ отношеніи роль важнаго синтетическаго фактора.

Этимъ путемъ открывается поле для синтетической дѣятельности невро-психики, которая благодаря этому можетъ выразиться реакціей, отвѣчающей не на первоначальное внѣшнее воздѣйствіе, а на обобщеніе его съ другими воздѣйствіями болѣе или менѣе сходственнаго характера. Продукты этой дѣятельности могутъ быть названы синтетическими слѣдами.

Съ другой стороны возможность сочетанія слѣдовъ отъ отдѣльныхъ признаковъ внѣшнихъ объектовъ съ рѣчевыми символами даетъ возможность обособленія слѣдовъ отъ отдѣльныхъ

качествъ внѣшнихъ воздѣйствій,—качествъ, которыя въ свою очередь могутъ подвергнуться обобщенію, благодаря сочетанію цѣлаго ряда подобныхъ-же частичныхъ слѣдовъ съ опредѣленнымъ рѣчевымъ символомъ. Здѣсь мы имѣемъ уже дѣло съ аналитической и съ аналитически-синтетической дѣятельностью невропсихики, которая можетъ возбудить реакцію еще болѣе отдаленную отъ области первоначальнаго возбужденія, нежели въ предъидущемъ случаѣ.

Далѣе необходимо имѣть въ виду, что въ мозговой корѣ отпечатываются собственно два порядка раздраженій:

1) внутреннія раздраженія, возникающія въ самомъ организмѣ подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ физіологическихъ условій;

2) внѣшнія раздраженія, передающіяся къ корѣ при посредствѣ периферическихъ органовъ слуха, зрѣнія, вкуса, обонянія и осязанія.

Первые отпечатки болѣе общи и менѣе опредѣленны, но они непосредственно и болѣе тѣсно связаны съ тѣми двигательными импульсами, которые обезпечиваютъ существованіе организма. Благодаря этому условію, они играютъ первенствующую роль въ смыслѣ руководителей въ отношеніи движеній животнаго организма.

Возьмемъ отпечатки раздраженій отъ состоянія голода.

Ни одинъ человѣкъ не дастъ точнаго описанія голода. Главное, что вы извлечете изъ его словъ, сводится къ сосанію подъ ложечкой и къ общему состоянію неудовлетворенія, вялости и апатіи, а между тѣмъ эти столь неопредѣленные отпечатки голода являются могущественнымъ побудителемъ движеній, благодаря ихъ тѣснѣйшей связи съ двигательными импульсами. Всякій знаетъ, что подъ вліяніемъ голода человѣкъ нерѣдко готовъ идти на тяжкія преступленія, лишь бы добыть съѣдобное.

Отпечатки отъ другихъ состояній внутреннихъ органовъ еще менѣе опредѣленны. Они почти не поддаются описанію и мы слышимъ лишь мало опредѣленную ихъ характеристику, какъ напр. сердце сжимается отъ тоски и боли или сердце трепещетъ отъ радости, но въ результатѣ эти отпечатки, оставляя слѣды въ центрахъ, приводятъ къ общему измѣненію невро-психики, которое мы называемъ положительнымъ или отрицательнымъ тономъ и которое непосредственно обусловливаетъ не только рядъ тѣхъ или другихъ движеній (мимика, жесты), но и опредѣляетъ въ значительной мѣрѣ характеръ внѣшней реакціи (наступленіе или оборона).

Такимъ образомъ, здѣсь дѣло идетъ объ отпечаткахъ и слѣдахъ такого рода, которые являются важнѣйшими опредѣлителями характера двигательной реакціи, направленіе которой однако зависитъ отъ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ воздѣйствій. Вышеуказанное значеніе внутреннихъ отпечатковъ и слѣдовъ становится намъ вполнѣ понятнымъ, если мы примемъ во вниманіе, что это суть первые по времени отпечатки, которые должны достигать первныхъ центровъ развивающагося организма. Еще въ утробѣ матери эти отпечатки отражаются въ мозгу ребенка въ зависимости отъ болѣе или менѣе благопріятныхъ условій кровеобращенія и состоянія организма матери. По крайней мѣрѣ во второй періодъ развитія плода движенія его въ утробѣ матери говорятъ о томъ, что получаемые имъ внутренніе отпечатки приводятъ къ двигательной реакціи.

Только съ рожденіемъ на свѣтъ развивающійся организмъ получаетъ новые отпечатки при посредствѣ внѣшнихъ воспринимающихъ органовъ когда уже установилась извѣстная связь между внутренними отпечатками и ихъ слѣдами и двигательной сферой, которая въ первоначальный періодъ существованія младенца еще болѣе упрочивается и закрѣпляется.

Здѣсь нужно припомнить, что жизнь новорожденнаго ребенка является по преимуществу растительною жизнью и такъ какъ его внѣшніе органы еще недостаточно приспособлены къ воспріятію внѣшнихъ раздраженій и передачѣ ихъ къ мозгу, то проходитъ еще много времени, въ теченіе котораго чисто растительная жизнь, дающая огромное количество постоянно измѣняющихся внутреннихъ отпечатковъ, занимаетъ преобладающее положеніе въ отношеніяхъ организма къ окружающему міру.

Отсюда понятно, почему внутренніе отпечатки и оставляемые ими слѣды получаютъ столь важную роль въ жизни организма и являются даже ближайшими опредѣлителями характера его двигательныхъ реакцій, а слѣдовательно и его отношеній къ впечатлѣніямъ, получаемымъ изъ окружающаго міра.

Отличаясь наиболѣе раннимъ развитіемъ, они закрѣпляются болѣе прочно уже потому, что растительные процессы составляютъ неотъемлемую насущную потребность всякаго организма.

Въ результатѣ этихъ внутреннихъ раздраженій создается между прочимъ, какъ мы уже упоминали, положительный или отрицательный нервно-психическій тонъ, рѣзко отражающійся на внѣшнихъ реакціяхъ организма.

Съ другой стороны совокупность цѣлаго ряда слѣдовъ отъ

прошлыхъ внутреннихъ раздраженій лежитъ въ основѣ индивидуальной обособленности невро-психики животнаго, достигающей у человѣка подъ вліяніемъ соціальныхъ условій своего высшаго развитія и извѣстной здѣсь подъ названіемъ личности.

Врядъ ли нужно пояснять, что послѣдняя, слагаясь на почвѣ слѣдовъ отъ внутреннихъ раздраженій, служитъ еще болѣе высшимъ опредѣлителемъ отношеній человѣка къ окружающему міру и важнѣйшимъ опредѣлителемъ его поступковъ и дѣйствій и до извѣстной степени также реакціи сосредоточенія (такъ называемаго вниманія по терминологіи субъективной психологіи).

Находясь въ тѣсной связи съ поступками и дѣйствіями и реакціей сосредоточенія, этими важнѣйшими факторами, опредѣляющими въ значительной мѣрѣ доставленіе организму внѣшнихъ раздраженій, личность является въ то же время объединяющимъ звеномъ для всѣхъ отпечатковъ и слѣдовъ, связанныхъ своимъ происхожденіемъ съ двумя только что указанными факторами.

Такимъ образомъ вышеуказанный комплексъ слѣдовъ отъ внутреннихъ раздраженій, развивающійся у человѣка въ личность, объединяетъ и соподчиняетъ огромное большинство слѣдовъ, получаемыхъ отъ воздѣйствій внѣшняго міра въ томъ смыслѣ, что эти слѣды уже при своемъ первоначальномъ образованіи вступаютъ въ тѣсное соотношеніе съ вышеуказаннымъ комплексомъ и, благодаря этому, всегда и оживляются при посредствѣ слѣдовъ, входящихъ въ составъ этого комплекса, который можетъ быть названъ индивидуальнымъ ядромъ нервно-психической сферы. Этотъ процессъ объединенія и соподчиненія новыхъ слѣдовъ индивидуальному ядру нервно-психической сферы можетъ быть названъ индивидуализаціей внѣшнихъ слѣдовъ.

Такъ какъ благодаря объединенію и сочетанію слѣдовъ съ индивидуальнымъ ядромъ всѣ болѣе тѣсно связанные съ нимъ слѣды могутъ быть легче оживляемы и вслѣдствіе того могутъ получать перевѣсъ надъ другими слѣдами, то естественно, что въ тѣсномъ соотношеніи съ индивидуальнымъ ядромъ невро-психики стоитъ и процессъ оживленія слѣдовъ, а слѣдовательно и направленія внѣшнихъ реакцій.

Благодаря тому, что сочетанія слѣдовъ могутъ получать то или другое направленіе отъ индивидуальнаго ядра невро-психики, происходитъ въ мозгу правильная смѣна или связное сцѣпленіе слѣдовъ, приводящее въ концѣ концовъ къ сложной и систематически связной внѣшней реакціи, извѣстной подъ названіемъ дѣйствій и поступковъ.

Но съ другой стороны эта внѣшняя реакція въ любой моментъ ея развитія можетъ быть и задержана, благодаря встрѣчнымъ новымъ возбужденіямъ или же благодаря тому, что бывшая ранѣе подобная же двигательная реакція сочеталась съ отрицательнымъ нервно-психическимъ тономъ, подавляющимъ двигательную сферу.

Такимъ образомъ становится совершенно понятнымъ, почему въ сложныхъ нервно-психическихъ процессахъ внѣшняя реакція не стоитъ въ ближайшемъ и непосредственномъ соотношеніи съ подѣйствовавшимъ на организмъ раздраженіемъ, а является отдаленнымъ ея послѣдствіемъ, причемъ характеръ, а иногда и направленіе реакціи обусловливаются въ значительной мѣрѣ оживляющимися слѣдами отъ бывшихъ ранѣе воздѣйствій на организмъ подобнаго же или иного рода, причемъ въ этомъ оживленіи прежнихъ слѣдовъ играетъ существенную роль сама личность, образованная совокупностью постоянно оживляемыхъ слѣдовъ отъ внутреннихъ раздраженій организма.